

Тина Тинова

16+

Квартира в подарок

Повесть

Тина ТИНОВА

Квартира в подарок

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тинова Т.

Квартира в подарок / Т. Тинова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В квартире, выставленной на продажу, Дина обнаруживает женщину с переломами и без сознания. Сопоставив факты, понимает, что пострадавшая стала случайной жертвой. На самом деле охотились за ней - за Диной, которая недавно развелась с мужем и устроилась работать риелтором в агентство недвижимости. За последние полгода многим успела перейти дорогу, некоторые открыто пожелали ей смерти. Но кто привел угрозу в исполнение?.. То ли новая жена бывшего мужа, которая считает, что Дина продолжает оказывать на него влияние. То ли полоумная женщина, уверенная в том, что Дина обманом завладела ее квартирой, и мечтающая вернуть жилплощадь себе. То ли завистливый коллега, в обход которого Дина получила выгодного клиента. А может и тот самый клиент с его странными условиями и замашками маньяка. Ловушка вот-вот захлопнется, Дине грозит смертельная опасность. Отступить некуда. Выход один – найти того, кому более всего выгодна ее смерть, и попытаться уцелеть среди акул моря недвижимости.

© Тинова Т., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Час икс:	5
За полгода до того:	8
Пять месяцев до часа икс:	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Час икс:

Идея зрела давно. Решимость крепла день ото дня. Решимость питалась ненавистью и требовала не брать в расчет возможные катастрофические последствия. Не думать о грозящих многих годах тюрьмы или даже колонии строгого режима. Надеяться на лучшее. Надеяться, что не застукают, не поймают и вины не докажут. И иметь в виду, что такого удобного случая может больше никогда не представится. Случай надо использовать. Использовать так, чтобы проблема исчезла раз и навсегда.

Проблема должна умереть!

Когда она умрет, то сразу всё наладится. Мечты вновь обретут реальность, будущее засияет прежними яркими красками. Не может не засиять. Ведь столько сил было вложено, столько времени потрачено, столько терпения проявлено, что награда уже давно заслужена. Награда, которая неминуемо ускользнет, если не предпринять срочных мер. Меры чудовищные, жестокие, смертельные. Но никакого другого способа вырваться из тупика в голову не приходило. Иногда обуревали сомнения, а стоит ли цель такой жертвы, но они не долго гнездились в голове и не подавляли волю, а лишь щекотали нервы, будили воображение, заставляли выверять тщательно каждый шаг. Первый и последний.

Впрочем, первая шагнула она и тут же превратилась в проблему. Вклинилась в такой простой и стройный план достижения счастья, вознамерилась одним махом перечеркнуть и свести на нет титанические усилия многих лет. Как же тут было не озвереть и не объявить войну? Без жалости, без сантиментов, без глупых терзаний. О нет, нет никаких причин упускать свою выгоду. Только еще капля терпения и щепотка удачи. Спрятаться и дожидаться, когда она появится. Не впервой.

Удобная позиция за обрешеченной шахтой лифта на несколько ступеней выше лестничной площадки позволяла слышать ее приближение, оставаясь при этом в тени бетонного каркаса и металлического профиля, так что и заметить невозможно, если не знать о засаде. А если вдруг заметит, то можно стремглав убежать сначала вверх, а потом вниз по черной лестнице, как уже случалось уносить ноги в подъездах подобной планировки. Капюшон на голове, нависающий над лицом и кидающий тень до самого подбородка, не позволит меня опознать. И не важно поднимется ли она на лифте или по лестнице, она неминуемо повернется ко мне спиной, чтобы попасть в нужную ей квартиру. Тут-то я и выскочу, и совершу задуманное. Зря что ли тренировки были оплачены и уроки усвоены.

Движение лифта вверх и поворот замка в двери послышались одновременно, заставили замереть в укрытии.

– Ну, наконец-то, – сердито буркнула женщина, выпорхнувшая из квартиры навстречу той, что вышагнула из лифта. – Я уже не надеялась, что ты успеешь. И не надо, не говори мне сейчас ничего, я и так уже опаздываю. Давай сама теперь как-нибудь. Справишься, я уверена, – прокричала напоследок, уезжая вниз.

Оставшаяся ничего не ответила, тяжело вздохнула и скрылась в квартире.

Ну что ж, все гораздо проще, чем казалось. Лишь бы никто из соседей не выглянул в самый неподходящий момент.

Стоило подумать о соседях, как тут же щелкнул замок и открылась дверь соседней квартиры. Вышли двое. Пожилая пара.

– Ты кошелек не забыл? – строго спросила дама, пока мужчина, судя по звуку, вставлял и проворачивал ключ в замке.

– Не забыл, – отозвался тот.

– А сетку? Сетку взял, чтобы за пакет не платить?

– Да.

– А карту с бонусами?

– Я все взял, – огрызнулся мужчина и задал встречный вопрос: – Лифт вызвала?

– Ты куда-то торопишься? – проворчала обиженно дама.

Дом – далеко не трущобы. И такое недовольство жизнью у его обитателей. Пресыщенные, спесивые, капризные. Скорей всего, они продолжили покусывать и задирали друг друга в кабине лифта, но механический звук заглушил их голоса.

Еще минута бездействия, чтобы убедиться, что не едут назад, вспомнив о не выключенном утюге или забытом носовом платке.

Вроде бы не возвращаются... Пора.

Шаг к двери, палец утопил кнопку звонка. Раздалась переливчатая трель.

– Заходите, открыто! – прокричала она из глубины квартиры.

Даже не поинтересовалась, кто нагрязнул. Глупая. Недальновидная. Все равно не жилец.

В прихожей за приоткрытой дверью было темно. Не крошечный мрак, но толком ничего не разберешь. Единственно, что различалось, это очертания широкого коридора, уходящего вперед метров на шесть – семь и упирающегося в стену. Коридор имел ответвления и несколько дверей. За ответвлениями и дверьми прятались комнаты, туалет, ванная, кухня. И где-то там находилась она. Интересно, где? Чем таким важным занята? Почему не вышла навстречу?

– Простите, что не встречаю, – подала голос она, будто услышала вопрос о себе и решила разъяснить свое странное поведение. – Я тут в кладовке на стремянке. Лампочку ищу, чтобы вкрутить в прихожей взамен перегоревшей. Представляете, перегорела перед самым вашим приходом. Неожиданно щелкнула и погасла. Я аж растерялась. Думаю, как же вы будете квартиру осматривать, если не видно ни шиша? В прихожей-то совсем темно. Такая планировка, что туда ни от одного окна свет не достает. Вот и полезла в кладовку в надежде, что лампочка запасная найдется. Здесь много всякого инструмента и других разных вещей, – сообщила она, чем-то шурша и позвякивая, ничего не подозревая. – Вы мне поможете? У вас есть фонарик в телефоне? Сможете мне посветить, пока я буду вкручивать? А потом я вам всю квартиру покажу и чаю налью, если не торопитесь.

Поторопиться имело смысл. Сначала закрыть на замок за собой входную дверь и убедиться, что в квартире кроме них двоих никого больше нет. Стремительный и почти бесшумный, благодаря мягким кроссовкам, забег по комнатам успокоил на счет препятствий и ненужных свидетелей.

– Вы меня в прихожей ждете? – снова проявила себя она сильно извиняющимся тоном. И снова сглупила, не требуя немедленного ответа, а продолжая беззаботно трещать, не подозревая, что зло подобралось к ней вплотную, дышит в затылок. – Казалось бы такое маленькое помещение, а сюда столько всего понапихано, что элементарно лампочек не найти. Хотя их не может не быть, если столько всего другого имеется. Словно склад хозяйственного магазина, честное слово.

Она трындела и трындела, и тем самым указывала путь к кладовке, которая оказалась за первым ответвлением коридора направо. Чуть дальше в том же направлении виднелась просторная кухня с вычурным гарнитуром, но тратить время на разглядывания не стоило, хоть любопытство и распирало. Надо было оперативно исполнять задуманное и уносить ноги, поблагодарив судьбу за то, что жертва сама себя определила в ловушку – взгромоздилась на шаткую стремянку в тесном закуте. При таком раскладе убийство вполне могло сойти за несчастный случай. О такой удаче невозможно было и мечтать! Оставалось лишь вспомнить всё, что входило в курс самообороны, и сделать то, что официально посчитали бы превышением необходимых мер. Действовать быстро, пока она не обернулась и не попыталась защититься. Зачем тянуть и создавать себе дополнительные сложности?

Рука, облаченная в прозрачную латексную перчатку, крепко сжала электрошокер, заранее вынутый из рюкзака. Взгляд уперся в оголенную из-под вздернутой штанины лодыжку –

прекрасное место для удара. Достаточно было резко приткнуть контакты к коже, одновременно нажимая на кнопку разряда, чтобы она издала невнятный бульк, встряхнулась всем телом, оступилась и слетела со стремянки со стуком и хрустом. То ли руку сломала, то ли ногу, то ли шею, то ли все кости махом. Ни стоны, ни движения не последовало – верный признак потери сознания.

После паузы, длившейся какие-то доли секунды, сверху градом посыпались инструменты: отвертки, плоскогубцы, молотки, шурупы, гвозди, какие-то провода и лампочки. Всё, что, видимо, хранилось на полках, которые накренились от резко привалившейся к ним стремянки. Кладовка наполнилась дробным и раскатистым гулом, каким обычно в фильмах озвучивают лавину в горах, и пылью, взметнувшейся вверх от пола к потолку. Прорезая пыль, с коротким, но отчетливым свистом ухнули вниз небольшие по размеру, чуть больше консервной банки, но явно тяжеленные тиски, и стукнули ее по голове, избавив от необходимости применять дополнительную силу с помощью молотка, ждавшего своей очереди в рюкзаке. Одного взгляда на кровавое месиво, образовавшееся на месте виска, было достаточно, чтобы убедиться в мгновенном превращении живого человека в мертвый труп.

Цель достигнута!

Странно, но победного ликования в груди не ощущалось, из горла не рвался радостный клич. Вместо этого панический ужас начал распространяться по телу. Руки и ноги будто онемели, стали ватными и непослушными, во рту образовалась мерзкая горечь. В один миг стало нечем дышать. То ли от вида кровавого месива, то ли от поднятой в воздух пыли, то ли от осознания, что ничего уже изменить нельзя.

А если изменить нельзя, то надо улепетывать подобра-поздорову, пока удача не повернулась хвостатой задницей. Последний штрих – выключить свет в кладовке, прикрыть в нее дверь и прикрыть дверь в квартиру. Всё!

За полгода до того:

Освещения и пространства катастрофически не хватало, чтобы оценить наряд. Дина слегка отодвинула тяжелую штору и осторожно выглянула в торговый зал. Не хотелось брать кота в мешке, но и развлекать посторонних своим несуразным видом тоже не хотелось. К счастью, магазин был пуст, если не брать в расчет двух девушек консультанток, которые караулили поблизости и мгновенно ринулись на подмогу.

– Вы сюда выходите, – позвала одна, лихим размашистым жестом отдергивая штору полностью.

– Здесь зеркало большое и удобное, – добавила вторая, подхватывая штору из рук первой и забрасывая ее на штангу, с которой ткань свешивалась.

Дина почувствовала себя незащищенной, уязвимой, словно публично раздетой. Она смущенно кашлянула и нехотя вышагнула из тесной и затемненной примерочной кабины на свет и простор. Тут же оказалась под перекрестными прицельными взглядами консультанток.

– Юбка села на вас идеально, – восхищенно произнесла первая, не дожидаясь, пока Дина встанет перед зеркалом.

– Блузка прекрасно с нею сочетается, – добавила вторая в том же превосходном духе.

– Стопроцентное попадание! – воскликнули обе в унисон.

– Попадание куда? – растерялась Дина. – Какая-то акция?

Собственное отражение в зеркале ей решительно не понравилось. Трикотажная зеленая юбка сильно обжала бедра, подчеркнув живот, который нельзя было назвать выпирающим, но и под понятие рельефного пресса он тоже не подпадал. Дина всегда старалась скрывать его за свободным кроем или декоративными складками. Самым лучшим для себя вариантом считала платья без акцента на талии. Предложенная консультантками юбка как раз и не делала такого акцента, ее верхний край вовсе к талии не прилегал, ни спереди, ни сзади, ни справа, ни слева. Складывалось впечатление, что юбка была сшита на совершенно прямую фигуру, не имеющую ни талии, ни живота, ни ягодиц, ни бедер – вообще ничего. Такой фигурой мог похвастаться разве что сублильный юноша – подтверждение тому, что большинство модельеров создают одежду для своих любимых... мужчин. Хотя блузка явно предполагала наличие женских форм. Плотная канареечная ткань пузырилась на груди, словно парус, наполненный ветром. В этом пузыре-парусе спокойно мог уместиться бюст самого выдающегося размера. Трудно было представить такую грудь при вполне скромных плечах, на какие блузка была рассчитана. Во всяком случае такую грудь, какая достается большинству женщин от природы, а не является следствием пластических операций.

Цвета юбки и блузки были столь яркими и противоречащими друг другу, что Дина на их фоне потерялась. И без того бледные ее щеки на исходе затяжной и сумрачной зимы стали еще бледнее, глаза из ясно голубых превратились в блекло серые, каштановые волосы в стрижке «каре», будто подернулись сединой, приобретя унылый мышастый оттенок. Почти полное отсутствие косметики, а Дина предпочитала без праздничных поводов не наносить толстых слоев тонального крема и пудры, только тушью слегка выделяла ресницы и гигиенической помадой с блеском увлажняла губы, приняло катастрофический характер. И если пятью минутами раньше Дина представляла собой пусть и не писаную красавицу, но вполне милую женщину лет на пять моложе своего реального возраста – сорок с хвостиком, то теперь сама себе напоминала впавшую в детство глубокую пенсионерку. Назвать такое «стопроцентным попаданием» она могла бы только в том случае, если бы это было попадание в передачу «Снимите это немедленно» или в программу «Модный приговор» в качестве примера дурного вкуса. Но девушки консультантки явно не телевидение имели ввиду и продолжали гнуть свою линию.

– Выглядит очень эффектно, – произнесла одна. – Стильный фасон, ультрамодные принты. Кстати, вся новая коллекция просто супер.

– Да, – перехватила инициативу вторая. – К этой блузке можно подобрать трендовые брюки, например, капри-клеш, а к юбке – шикарный блейзер. Сверху накинуть топовый жилет.

– А если вставить золотой пояс и завязать пестрый аскот, – снова включилась первая, показывая на стеллажи, где висели пояса и шейные платки, – на руку надеть часы на золотом браслете вместо вашего пластика и вот так поддержать рукав блузки... – Она наглядно продемонстрировала, как поддержать. – Получится законченный сбалансированный лук.

– Репчатый или оружие Робин Гуда? – уточнила Дина, которую начало забавлять происходившее.

Девушки молча переглянулись. На их лицах промелькнуло недоумение, сменившееся через секунду усмешкой превосходства.

– Вы не поняли, – снисходительно взялась объяснять одна. – Под словом «лук» имеется в виду комплект одежды и аксессуаров, создающих неповторимый запоминающийся образ.

– Все я поняла прекрасно, – с тяжелым вздохом разочарования огрызнулась Дина. – Это вы шуток не понимаете. Хотя... то, что вы мне посоветовали, я нахожу очень даже смешным. Так что можно сказать, что шутка ваша удалась.

Девушки замаялись, явно не понимая, как им следует продолжать общение с покупательницей. То ли вступить с ней в перепалку, то ли проглотить нравоучение молча? Сделать вид, что не заметили колкости, или посмеяться над собой? Одна была умнее, вежливо улыбнулась и промолчала, другая взялась доказывать свою правоту. С ее слов получалось, что Дина нигде не найдет ничего более подходящего, чем то, что ей предложили в этом бутике. Последний писк моды предстоящего летнего сезона, как никак!

– Мне кажется, юбка тяжеловата для лета, – высказала свое мнение Дина. – Слишком толстый трикотаж и состав синтетический.

– Зато блузка хлопчатобумажная.

– Какая?!

Дина заподозрила, что ослышалась.

– Хлопчатобумажная, – отчетливо, чуть ли не по слогам, повторила девушка.

– А я думала, хлопковая, – озадаченно пробормотала Дина, пытаясь вспомнить, есть ли у английского слова «cotton» в переводе на русский язык еще какие-нибудь значения, кроме «хлопка».

– Нет, – железно возразила девушка. – Не хлопковая, хлопчатобумажная. Это значит – натуральная, дышащая, антиаллергенная. Самый лучший материал для тела.

– Ну, ладно, – примирительно протянула Дина. – Может, я чего и не знаю. Может, это новое слово в модных кругах. Как тот же лук.

Сама себе она поставила на заметку, вернувшись домой, пошерстить словари и выяснить, где же правда. Она любила докапываться до истины, если что-то заинтересовало или стало предметом спора. Теперь же она почувствовала себя уставшей и не способной на препирательства. Она уже полдня бродила по магазинам в поисках наряда для семейного торжества. На следующей неделе им с Антоном предстояло отметить двадцать лет совместной жизни – фарфоровую свадьбу.

Из интернета Дина почерпнула, что двадцатилетний юбилей – один из кризисных периодов в жизни семьи. Супруги уже всё друг о друге знают, обвыклись и притерлись, отсюда, мол, как радости, так и скука. С одной стороны – приятно, что ты понимаешь партнера с полуслова и полу жеста, заранее знаешь его реакцию на что бы то ни было, с другой – предсказуемость и отсутствие интриги убивают интерес и любовь. Отношения оказываются хрупкими, как никогда ранее. Хрупкими, как дорогой фарфор, который на вид гладок и крепок, но легко бьется, если его подвергнуть испытанию – стукнуть или уронить.

Дина была уверена, что их с Антоном брак невозможно разрушить никакими испытаниями. По ее мнению, лучше любви их связывала память о том, что они уже пережили вместе. Остались в прошлом, но не забылись многомесячные задержки зарплаты и почти полное безденежье, когда приходилось рыскать по палаткам возле метро в поисках самых дешевых продуктов, пусть и сомнительного качества, варить супы, что называется, из топора, штопать проношенные носки и подтягивать стрелки на капроновых чулках. Не забылись неожиданные шальные деньги, вырученные Антоном за написание первого игрового приложения для процессора «Макинтош». Они сумели тогда погасить задолженность по квартплате, одеться, обуться и вдвоем слетать в Анталию, где две недели предавались чревоугодию, морской неге и сексуальным утехам, словно заново узнавали друг друга. Потом была первая машина «Шкода Октавия», пригнанная из Польши и ставшая для них свидетельством стабильно растущего дохода. Планировалось в скорости поменять «Шкоду» на «Мерседес», а Москву на Сан-Франциско, но не задалось ни то, ни другое. Доходы росли стремительно только в первый год, а потом стало понятно, что из средних слоев среднего класса им вряд ли удастся когда-нибудь выпрыгнуть. Только стоило им смело помечтать, как их тут же опускали на землю экономические кризисы или семейные потрясения. За двадцать прошедших лет Дина с Антоном потеряли родителей, умерших, кто от рака, кто от инсульта. Простились с мыслью о детях, потому что никакое лечение не давало результата. Позволили себе немного попутешествовать, скопили никому ненужную коллекцию сувениров и никогда не пересматриваемые диски с фотографиями.

Антон несколько раз переходил из компании в компанию, иногда с повышением в должности и окладе, а иногда в силу обстоятельств с потерей прежних достижений. То, бывало, с начальством расходился во мнениях, то фирма неожиданно банкротилась. Занимался преимущественно программированием, чему учился в институте. Дина тоже этому училась, но сильно уступала способностями Антону, о чем тот часто ей напоминал, причем с института. Подруги поговаривали, что таким образом Антон убрал конкурента, точнее конкурентку. Но Дина так не считала. Она считала, что убралась сама. Сначала в лаборантки на кафедре высшей математики и информатики, а затем в домохозяйки, когда новый заведующий кафедры начал притеснять сотрудниц. Заведующий, мечтавший получить степень доктора физико-математических наук, но застрявший в кандидатах, извергал свою неудовлетворенность на всех вокруг и в первую очередь, на слабый пол. Может потому, что его докторскую уже дважды заворачивала на доработку председатель городской комиссии Эльвира Исааковна. Заведующий скрежетал зубами и все больше утверждался во мнении, что женщины – это люди второго сорта, неспособные понимать точные науки. Что уделом женщины были, есть и будут кастрюли и дети, и нечего корчить из себя умных. Гипатия Алексийская и Софья Ковалевская не в счет, исключения подтверждают правило. Как раз тогда Дине потребовалось взять дополнительный месячный отпуск для лечения своих женских проблем.

– Потому и бесплодны, – разразился гневной речью заведующий, когда она пришла с просьбой к нему в кабинет, – что пашете наравне с мужиками.

– Я же не шпалы таскаю, – попыталась защититься Дина. – И цемент не замешиваю.

– Чрезмерно ум напрягаете, – повысил голос заведующий, не терпевший, чтобы ему перечили. – Попроще надо быть. Поглупее. Тогда и дети появятся.

– Куда же мне деть свой нехилый умишко? – съязвила Дина. – Как же поглупеть-то?

– В домохозяйки заделаться, – посоветовал он. – И мужу своему служить, как заведено было предками.

– А если бы я была не замужем?

– Если бы, да ка бы... – передразнил заведующий и сердито кинул ручку, которой до того противно постукивал по столу. – Вот не надо этих бла-бла. У каждой нормальной женщины муж есть. А если нет, значит ведет она себя неподобающе. Выпендривается и выеживается. За

что и огребает по жизни тумаков, и вынуждена сама себе на хлеб зарабатывать. Но, к счастью, это не ваш случай. Так что, пишите заявление об уходе по собственному желанию. Я подпишу.

– Вот так сразу?! – опешила Дина.

– Да. Я не привык тянуть с решениями, поэтому подпишу сразу.

– Но... я не готова. Я прошу лишь отпуск на месяц за свой счет.

– А смысл? – Заведующий указательным пальцем сдвинул на кончик носа свои очки и пристально поверх стекол посмотрел на Дину. Такой взгляд он практиковал со студентами, когда бывал поражен их тупым упрямством. – Ну, допустим, лечение будет успешным, и вы забеременеете, – пустился в рассуждения он. – Тогда через полгода вы уйдете в декрет, а затем в отпуск по уходу за ребенком. Мне придется искать вам замену на пару-тройку лет. Я не смогу пригласить высококлассного специалиста, потому что временно. И вы появитесь на работе, потеряв всякую квалификацию. Да еще будете регулярно отсутствовать из-за болезней вашего чада. Ветрянка, скарлатина, что еще у них бывает? – брезгливо сморщился он.

– Как вы смеете так рассуждать? Вам не стыдно? – разнервничалась Дина. – Вы меня оскорбляете! Оскорбляете всех женщин в моем лице!

– Ой, бросьте, – отмахнулся заведующий, откинувшись на спинку своего высокого и широкого кресла, обтянутого темно бордовой кожей. Только царской короны над ним не хватало в дополнение к двуглавному орлу, висевшему на стене. – Я просто говорю правду. То, о чем другие умалчивают, но думают также. И, кстати, есть еще второй вариант, что лечение ваше ничего не изменит. Тогда вы будете ходить по докторам еще и еще. И что, я должен буду постоянно соглашаться на ваши внеплановые отпуска? Зачем оно мне надо? Зачем это университету? Я уже молчу про ту моральную подавленность, которую вы будете испытывать, и которая неминуемо будет отражаться на работе.

– Есть закон, – пролепетала Дина, чуть не плача.

– Это одна из причин, по которой я обращаюсь к вашему здравому смыслу. Давайте, не будем трепать друг другу нервы, разойдемся мирно. Пишите заявление и считайте, что я его уже подписал.

– Нахал! – ругнулась Дина, хлопнув дверью кабинета. – Мужлан! Женоненавистник! Самодур!

Кто находился в этот момент на кафедре, уставились на нее удивленно. Ведь она никогда не позволяла себе грубости. Уволилась в тот же день.

Потом какое-то время еще искала себе работу. Читала объявления в газетах и на сайтах, расспрашивала знакомых, но с каждым днем все менее активно. Она заметила, что в деньгах особой нужды не имеет, Антон как раз тогда начал зарабатывать больше прежнего. Дина робко высказала идею посвятить себя домашнему хозяйству. Антон не возражал. Даже скорее приветствовал. Ему нравилось, что каждый вечер дома его ожидал свежеприготовленный ужин, и не было необходимости по выходным помогать жене с уборкой и закупкой продуктов. Все это она успевала сама в будние дни. В выходные он мог с чистой совестью сходить с приятелями в баню или зависнуть дома перед телевизором. Иногда Дина вытаскивала его на культурную программу или загород на природу. Антон всегда сначала сопротивлялся, а затем сдавался с наигранным одолжением. Дина принимала эту игру как должное с мужской точки зрения, заточенной исключительно на заработок и потеху самолюбия.

Свой нереализованный материнский инстинкт Дина выплескивала на животных. У них дома поселились два европейских короткошерстных кота – Мартын и Круассан – и такой же беспородный пес Венечка. Всех троих в один год Дина подобрала на улице грязными и больными, изможденными и несчастными. Не смогла пройти мимо. Вылечила, откормила, воспитала. Помогал отец, который тоже оказался любителем живности после того, как похоронил жену. Отец спокойно оставался с питомцами, когда Дина с Антоном уезжали в отпуск. Но когда папа умер, остро встал вопрос, кому подкидывать котов с собакой на время отсутствия

хозяев. Однажды доверив их приятелю – счастливому обладателю дачи в деревне Тульской области, вернувшиеся Дина с Антоном назад уже никого не забрали. Со слов хозяев и коты, и пес исчезли сами в неизвестном направлении. Дина подозревала, что их выгнали умышленно. Надеялась, что выгнали, а не что-то другое страшнее. Поплакала, пострадала, переболела и решила больше никогда никого не заводить. Подкармливала дворовую хвостатую стаю и била себя по рукам при мысли о том, чтобы приютить очередное жалкое создание.

С тех пор Дина увлеклась кулинарией. Благо рецептов в открытом доступе всемирной паутины появилось море. Она даже подумывала завести свой собственный блог в интернете и «Instagram», но все откладывала идею, опасаясь, что не сможет быть оригинальной, и не желая подставляться добровольно под критику, которой полнился любой портал. Довольствовалась тем, что экспериментировала для себя и Антона, и редких гостей. Родственников у них практически не осталось, в Москве они были совершенно одни. С друзьями пересекались все реже. Сумасшедший ритм столицы и личные проблемы каждого давали о себе знать. Так что и юбилей свадьбы им грозило отмечать вдвоем. Впрочем, Дину это обстоятельство не пугало. Она как раз считала, что годовщина бракосочетания – событие исключительно интимное, не требующее компании. Планировала приготовить любимый Антоном салат из копченой рыбы, заморочить оригинальное мясо в экзотическом соусе, испечь эклеры, оформить стол цветами и плавающими свечками, сопроводить ужин приятной музыкой и закончить вечер в постели в объятиях друг друга, желательно после страстной любовной игры, какой давно у них не случилось.

Еженедельный секс все больше походил на исполнение супружеских обязанностей по заранее согласованному расписанию. В будние дни не стоит даже начинать – усталость накопилась и рано вставать. Суббота – более подходящий день, но есть еще про запас воскресенье, хотя... следом понедельник и снова рано вставать, так что суббота предпочтительнее. Но если субботу пропустили, то надо постараться в воскресенье, потому что потом будние дни и усталость, и целая рабочая неделя впереди... Почему так? Может потому, что не хватало интриги и сюрпризов?

Последняя мысль и погнала Дину по магазинам в поисках нового необычного наряда для себя. Может, стоило и посуду новую прикупить? Конечно же, фарфоровую. Хотя Дине больше нравилось, так называемое, небьющееся стекло. Она не являлась фанатом тонких и изящных фарфоровых сервизов, предпочитая любоваться ими в музейных экспозициях, чем держать дома и все время опасаться расколошматить по неосторожности. Но к празднику в качестве семейного подарка она могла бы приобрести, например, фарфоровый чайный набор на две персоны в английском стиле. Почему бы и нет? Правда, Дина до сих пор ни в одном из магазинов не наткнулась на то, чем захотелось бы обладать, ни из посуды, ни из наряда, но у нее впереди была еще целая неделя, поэтому она не стала торопиться. С одеждой, так уж точно, ведь не привыкла тратить деньги на то, что надевается лишь один раз. Всегда старалась приобрести что-то универсальное. Первый раз показаться на праздник, а затем носить долго и с удовольствием не меньше сезона. Вот и теперь искала себе такой вариант, чтобы после торжества не убирать наряд в дальний угол шкафа, а красоваться в нем все лето. То, что ей предложили консультантки, никак ее не устраивало.

– Спасибо за помощь, – произнесла Дина, утвердившись во мнении, что ни за что не купит зеленую юбку и коттоновую блузку. – Боюсь, это не мое.

– Зря вы так думаете, – тут же возразила одна из девушек.

– Померяйте другой комплект, – активно предложила другая, метнувшись к стойке с вешалками и выхватив оттуда длинный сарафан в мелкий сиреневый цветочек и черную майку.

– Нет, спасибо, – повторила свой отказ Дина.

Ей не улыбалось летом носить черное, а длина до пят вообще никак не вязалась с Москвой. Скорее с Геленджиком или Анапой. Впрочем, даже на берегу моря удобнее было бы ходить в чем-то покороче, например, в шортах.

– А вот это? – другая девушка встряхнула перед Диной очередной яркой тряпкой.

Дина даже не стала всматриваться и разбираться, что за предмет одежды скрывается в плотной бахrome и блеске пайеток, то ли туника, то ли пончо.

– Спасибо, нет, – твердо постановила она.

Но девушки не унимались, пока Дина не рыкнула на них сердито, чем окончательно испортила себе настроение. Вернувшись в тесную и затемненную примерочную кабину, наконец догадалась, зачем она спланирована такой темной и тесной. А затем, чтобы посетительница непременно вышла в зал к яркому свету и широкому зеркалу, где ее профессионально обработают умелые консультанты, навяжут свое мнение и втюхают то, что сама посетительница вряд ли купит. Дине стало неприятно от того, что ее, как и других таких же, рассматривают не с целью подыскать более подходящий наряд, а с прицелом изъять денег из кошелька как можно больше. Даже чертыхнулась тихонько и топнула ногой, при этом коленкой задела свою сумочку, которую в самом начале примерки пристроила на табурет, чудом поместившийся в углу и без того маленького пространства. Сумочка соскользнула на пол и именно в этот момент внутри нее мелодично зазвенел телефон. Дина резко нагнулась, чтобы поднять и вытащить трубку, но не рассчитала размеров помещения. Уперлась попой в боковую стенку, качнулась вперед ниже, чем планировала, и со всего маха приложилась лбом к табурету в том месте, где дерматиновая обивка пряталась под металлическим ободом каркаса. В глазах мгновенно потемнело, в голове разнесся гул. Дина охнула, обхватив голову руками, осторожно выпрямилась, а потом также осторожно присела на тот самый злосчастный табурет, стараясь не задеть ни одну из хлипких стен и не оборвать ненароком штору. Было больно и обидно, до слез жалко саму себя и потраченного впустую времени. Телефон продолжал звенеть, уже по третьему разу проигрывая один и тот же мелодичный фрагмент. Еще пара секунд и он замолкнет. А вдруг это Антон? Может, он освободился раньше с работы, будет рад забрать ее из магазина и ей не придется тащиться домой на метро, а потом еще на автобусе? Живо представив толчею общественного транспорта, Дина поморщилась и быстро полезла в сумочку за телефоном. Еще не вытащив трубку на свет, уже нажала пальцем на кнопку принятия вызова, чтобы успеть до момента отключения. Ей даже показалось, что на экране высветилось родное имя.

– Привет! – с надеждой на избавление от всех невзгод произнесла она. – Как хорошо, что ты мне позвонил. Где ты сейчас?

Неожиданно из трубки раздался незнакомый женский голос.

– Здравствуйте! Вы Дина?

Дина смущенно закашлялась. Из-за недостатка света в примерочной кабине даже надпись на экране телефона не смогла прочитать правильно. Или приняла желаемое за действительное. Неужели так сильно стукнулась, что глюки начала ловить? Или усталость на нее так подействовала? Духота магазина и настырность продавцов-консультантов? Определенно, пора закругляться с шопингом и отправляться домой.

– Да, я Дина, – отозвалась она после заминки. – Простите, думала, что муж звонит. – Еще раз кхекнула, будто горло прочистила, и добавила дружелюбно: – Добрый день!

Сделала всё возможное, чтобы завуалировать фамильярное «привет», с которого начала. Приготовилась внимательно слушать, но женщина молчала, лишь отрывисто дышала в трубку. Дине показалось, собеседница хочет что-то сказать, но не решается. Может, волнуется?

– Я вас слушаю, – подбодрила ее Дина.

– Меня зовут Светлана, – наконец произнесла та и снова затихла.

– Да, Светлана, – снова протянула руку помощи Дина.

Собеседница еще немного помолчала и вдруг ее прорвало. То ли осмелела, то ли время ее поджимало, а информацию сообщить она была обязана.

– Мы с вами еще пока не знакомы, но скоро познакомимся. Тоша нас познакомит. Он не знает, что я вам звоню, – застрекотала она. – Это моя личная инициатива. Я сама решила поставить вас в известность, потому что он этого не делает. Боится. Боится лишний раз вас травмировать. Он такой деликатный, нежный, заботливый. Я уверена, что вы меня понимаете.

Дине хотелось возразить, что нет, не понимает, но она не могла вставить ни единого слова в бурный поток речи незнакомки. Некая Светлана тараторила с таким напором, что перебить ее не представлялось возможным. При этом с самого начала Дина догадалась, что женщина ошиблась номером, но почему-то не отключала телефон, слушала, не отрывая трубку от уха. Дина подозревала, что таким образом она тянула время, давала голове успокоиться после столкновения с табуретом. Оттягивала момент, когда придется выйти в зал под недовольные взгляды девушек консультанток, упустивших добычу – потенциальную покупательницу. Дина не просто устала, а вымоталась, как от тяжелой физической работы. Поэтому позволила себе передышку и даже в глубине души почувствовала благодарность по отношению к звонившей, благодаря которой могла еще немного посидеть, пусть в темной и тесной, но отделенной от всего остального суетного мира, примерочной кабине.

Женщина тем временем продолжала:

– Я все про вас знаю, Тоша мне рассказал про ваш страшный диагноз. Когда рассказывал, я так плакала, так плакала. Вот и сейчас слезы наворачиваются на глаза, – Она даже всхлипнула, видимо от тонкости и впечатлительности своей натуры. – Мне очень-очень вас жаль, поверьте. И Тоше жаль. Я вижу, он совсем смурной стал с приближением вашего конца. Но вы не подумайте ничего плохого за то, что он мне рассказал, он не желает вам зла, не намерен вас бросать в трудный момент и лишать поддержки. Я тоже до последнего готова была ждать, потому что все понимаю и умею входить в положение. Что я – не человек что ли? Такая же женщина, как и вы, только здоровая.

Дину подмывало ляпнуть собеседнице, что в ее психическом здоровье она сомневается, но сдержалась. А та вдруг эмоционально воскликнула:

– Но и вы тоже должны понять! Войдите и вы в наше положение! Мы с Тошей давно любим друг друга, и у нас будет ребенок. Если бы не беременность, я бы ни за что не позвонила и ни на чем не настаивала. Но я не могу оставить ребенка без отца. Думаю, и вы согласитесь, что так будет неправильно. У ребенка должен быть отец. Тоша со мной согласен. Только он просил подождать, а я считаю, что можно не ждать, что вы все поймете, простите нас и не станете нам препятствовать. Я не клоню к тому, что вы должны умереть прямо сейчас, раньше, отведенного вам срока. Боже упаси! Просто благословите нас с Тошей быть вместе, не дожидаясь ваших похорон.

– Стоп-стоп, подождите, – не выдержала Дина и все-таки вклинилась в трескотню женщины. – Вы перепутали номер, позвонили не туда. Я не знаю никакого Тоши и у меня нет смертельного диагноза. Я не собираюсь умирать ни прямо сейчас, ни в ближайшие лет двадцать, как минимум. Если, конечно, не передумаю.

Дина попыталась сохранить чувство юмора.

– Я ничего не перепутала, – капризно заявила женщина. В ее голосе появились истеричные нотки. – Вы пытаетесь от меня отвязаться? У вас не получится. Я так просто от вас не отстану. Буду бороться. Бороться за себя и за ребенка. И Тоша будет бороться. Я буду на этом настаивать.

– Боритесь, сколько влезет, – устало сказала Дина. – Только меня не впутывайте.

Ей вдруг надоело слушать чужой бред. Она зевнула, прикрыв глаза, произнесла вежливое «До свидания» и нажала кнопку отбоя на середине очередного слова собеседницы. Трубку кинула назад в сумочку. Потерев лоб, где уже начала образовываться шишка и даже легкое

прикосновение пальцами усиливало боль, заставила себя встать и начать переодеваться в свою одежду. Когда просовывала голову в свитер, то вновь услышала знакомую мелодию звонка, глухо донесшуюся из глубины сумочки, но она тут же и прекратилась, словно на другом конце телефонной линии разговаривать с ней, с Диной передумали. Ну и прекрасно, потому что в тот момент Дина все равно говорить не стала бы. В конце концов, сколько можно занимать примерочную? А вдруг там за шторой уже очередь стоит из желающих надеть на себя то, что Дина отвергла. Кто-то же это покупает. Если это продается, значит, пользуется спросом. А как иначе?

Однако, очереди не наблюдалось. По залу среди вешалок и стеллажей бродило несколько дам разного возраста и внешнего вида. Девушки консультантки следовали за ними, словно привязанные. Про Дину, казалось, забыли. Она могла тихо и спокойно покинуть магазин, не объясняя, почему не берет ни одной из предложенных вещей. Только поймала на себе цепкий и колючий взгляд одной из девушек перед тем, как пройти рамку сигнализации. Сигнализация не пискнула, и Дина еще раз удовлетворенно вздохнула полной грудью, будто скинула с себя непомерно тяжелый груз.

Кто сказала, что шопинг приятное времяпровождение? Кто выдумал миф, что с помощью шопинга можно лечить нервную систему, отвлекаться от проблем? Дина была уверена, во всяком случае в тот момент, что хождение по магазинам – крайне утомительное и выматывающее занятие, похуже иной работы. И невозможно представить, что для кого-то шопинг становится маниакальной целью. Фантастика. Оксюморон.

Оказавшись на улице, Дина еще раз вспомнила про Антона и подумала, а не позвонить ли ему самой. Но прикинув, сколько времени он будет ехать за ней к торговому комплексу в центре города от своей конторы, что на окраине, даже если уже освободился, решила, что на общественном транспорте получится быстрее, и направилась ко входу в метро, стараясь держаться правой стороны тротуара, ближе к бордюру, чтобы как можно меньше ее задевали локтями и сумками прохожие.

Всю дорогу домой она не могла отрешиться от ощущения боли в голове и несуразности слов некой Светланы. Дина была уверена, хоть и не взглянула больше на экран телефона, что та же самая женщина пыталась достать ее второй раз, когда телефон пиликнул коротко. Дина с раздражением почувствовала, что еще долго будет вспоминать странный разговор и слышать в ушах напористый истеричный голос.

Домой она добралась раньше Антона, несмотря на то, что ехала в два раза дольше, чем могла бы занять дорога. Сначала в метро пришлось пилить две лишние остановки, потому что одна из удобных пересадок с одной линии на другую оказалась закрыта по техническим причинам. Затем автобус попал в пробку на перекрестке из-за неожиданного отключения светофора. Мгновенно машины набились со всех сторон, перегородив путь автобусу, покидавшему второстепенную улицу. Движение не возобновилось бы до утра, если бы не появившийся через некоторое время регулировщик, замахавший энергично полосатым жезлом. Жесты он подкреплял свистками и окриками, да такими громкими, что их было слышно даже внутри автобуса.

– Ишь ты, орет он сердито, – едко выразилась в его адрес одна из пассажирок. – Работа ему не нравится. Привык заколачивать легкие бабки, карауля в засаде. А вот на тебе, попробуй попарься, как все нормальные люди.

– Он потому и парится, что водители не привыкли к регулировщикам, – прокомментировал пассажир мужчина. – Слишком редко с регулировщиками сталкиваются. Из-за этого многие просто-напросто не помнят значения жестов. Видите, как гаишнику приходится на словах изъясняться. Смотрите, смотрите, как он матом кроет какого-то тупого водилу.

Мужчина громко хохотнул в доказательство своих слов. Дина вместе с остальными пассажирами с любопытством вытянула шею, извернувшись, чтобы разглядеть, что происходит на перекрестке. Ничего толком не увидела за головами и руками, поднятыми к поручням, только потеряла равновесие и случайно наступила на ногу, стоявшему сзади.

– Осторожно! – тут же гаркнул на нее скрипучий бас.

Дина не успела извиниться, как автобус дернулся, все стоявшие пассажиры качнулись и тот, которому она оттоптала ногу, теперь ощутимо толкнул ее в спину.

– От, зараза! – пробасил он возле Дининого уха и завозился активно.

То ли поручень искал, то ли уронил что-то и пытался поднять в толчее, но извиняться перед Диной не торопился. Она про себя подумала, что теперь они квиты, и понадеялась, что слово «зараза» относилось не к ней, а к водителю автобуса или ситуации в целом. Ситуации, которая стала потихоньку выправляться. Автобус не спеша набирал ход, и уже через десять минут после того Дина покинула его переполненное народом нутро. Тут же вспомнила про свежий хлеб, который собиралась купить на обратном пути, и завернула в гастроном. Одним хлебом не ограничилась, домой потянула два увесистых пакета, по одному в каждой руке. Тянула и думала, что так и не взглянула на телефон, чтобы проверить, кто же именно звонил второй раз, совпадает ли номер с тем, с которого звонила некая Светлана. «Окажусь дома, посмотрю», – сама себе пообещала Дина. Но и дома этого не сделала, потому что время поджимало. В любой момент мог появиться Антон, а продукты еще были не разобраны, бульон не заправлен, салат не нарезан, наполовину потушенное с утра мясо ожидало в духовке, когда его доведут до готовности.

Когда в замке входной двери провернулся ключ, Дина заканчивала накрывать на стол.

– Привет! – радостно выскочила она в коридор навстречу мужу.

– Привет! – устало отозвался тот.

Они дежурно поцеловались. Нежным или страстным такой поцелуй назвать было нельзя. Это из-за отсутствия интриги, сама себе объяснила Дина. Двадцать лет вместе, как никак. Не зря, фарфоровой свадьба именуется. Ну, что ж, будем стараться внести свежую струю. Я буду стараться.

Пока Антон переодевался в домашний костюм и мыл руки, она достала из холодильника компот и разлила его по стаканам, нарезала хлеб и пристроила кусочки в плоскую плетеную корзиночку, выстеленную льняной салфеткой. Вид простого, но красиво накрытого стола вызывал у Дины умиротворение. Каждый предмет стоял на своем удобном месте. Тарелки и приборы сияли чистотой, отражая свет настенной лампы. Предвкушение вкусного и душевного семейного ужина наполняло Дину какой-то уютной удовлетворенностью, несмотря на ощущение голода в желудке. Она, наверное, была еще более голодная, чем Антон. Тот на работе должен был пообедать, а она не успела из-за магазинов и дорожной пробки.

– Как дела? – поинтересовалась, раскладывая по тарелкам салат.

– Нормально, – буднично ответил Антон. – А где пульт?

Дина автоматически оглянулась на подоконник. Специально убрала пульт подальше, чтобы поужинать без телевизора. Чтобы не вздрагивать от жутких мировых новостей и не замечать, что в какой-то момент она перестает получать удовольствие даже от шоколада, потому что кусок не лезет в горло при виде чужих боли и страдания.

– Ты слишком впечатлительная, – часто говорил ей Антон. – Надо спокойнее относиться к тому, что не можешь изменить.

– Зачем это смотреть, если не можешь изменить? – взбунтовалась однажды Дина, категорически отказавшись включать телевизор за ужином.

– Знать-то надо, что в мире делается.

– Зачем?

– Чтобы иметь свое мнение.

– Твое мнение кого-то интересует?

– Да, на работе с коллегами обсуждаем. И с друзьями тоже.

– От ваших обсуждений что-то в мире меняется к лучшему?

– Ну, ты загнула, – усмехнулся Антон. – Наверное, менялось бы, если бы кто-то из моих друзей был президентом, а я сам работал в кабинете министров.

– Ну вот, ты сам понимаешь, что если не работать в правительстве, то новости смотреть бесполезно. Только расстраиваться лишний раз.

– А вдруг социальный опрос? Референдум? Голосование? А я не буду готов выразить свое осознанное и обдуманное мнение. Между прочим, есть такой афоризм: «Если вы не интересуетесь политикой, то политика интересуется вами». Полезно знать, что происходит в стране и мире, чтобы не допустить произвола лживых политиков.

– Хорошо, – сдалась Дина. – Я согласна, что есть смысл следить за новостями. Но я не понимаю, почему их просмотр надо совмещать с ужином. Это убивает аппетит.

– Мне не убивает. Мне, наоборот, без телевизора скучно.

– А поговорить?

– С кем?

– Со мной.

– О чем?

– О чем угодно.

– Мне угодно обсудить новости, – хитро подмигнул Антон. – Для начала их надо посмотреть.

Дина улыбнулась, оценив юмор, однако не поддавалась на провокацию.

– Нам что, больше не о чем с тобой поговорить? – спросила она.

– А что, собственно, нам обсуждать? – неожиданно резко отозвался Антон. – У меня на работе рутина. У тебя в хозяйстве, насколько я понимаю, тоже. Или что-то важное произошло?

– Произошло, – с вызовом заявила Дина.

– Что?

– Мы перестали друг с другом разговаривать. Вот что.

– Не вижу в этом никакой проблемы, – раздраженно постановил Антон. – Это нормально, когда люди не сотрясают воздух зря, не перетирают из пустого в порожнее. Если что-то случается такое, что надо рассказать, то ты берешь телефон и сразу все мне сообщаем. Или я тебе звоню. А если не звоню, то значит события не столь важные, чтобы загружать ими твою голову. Я их тогда и позже не буду на тебя вываливать.

– Не хочешь, считаешь ненужным, не вываливай. Но ведь ты же не будешь делиться со мной по телефону впечатлением от прочитанной книжки?

– Я на работе книжки не читаю. Я на работе работу работаю. Это ты дома можешь читать целыми днями.

Дина возмущенно хмыкнула:

– Не очень-то мне удается читать целыми днями. Я, знаешь ли, тоже иногда присесть не успеваю.

– Что тебе мешает присесть? – искренне удивился Антон. – Сама себе хозяйка, надсмотрщиков нет. В любой момент села в кресло или легла на диван. Читай, вяжи, спи.

– Ты плохо представляешь, сколько времени и сил требуется, чтобы квартира выглядела чисто и ухоженно.

– Умоляю, – разразился хохотом Антон. – Что можно такого делать на сорока семи квадратных метрах, чтобы за целый день не поиметь часа свободного времени?

– Пожалуй, надо тебя на месяцок оставить дома, чтобы ты прочувствовал все прелести домашних хлопот, – язвительно сказала Дина. – И готовку на тебя возложить.

– Если это тебя так напрягает, то шла бы работать. Мне твои жертвы не нужны.

Антон с силой кинул на стол вилку, которой до того между репликами отправлял в рот салат. Дина к еде так и не притронулась.

– Жертв никаких нет, – примирительно произнесла она. – Мне нравится то, чем я занимаюсь. Я получаю удовольствие и от уборки, и от готовки. И даже покупка продуктов меня не напрягает.

– Что тогда?

Дина тяжело вздохнула.

– Меня угнетает, что мы перестали общаться.

– Опять двадцать пять! Ты издеваешься?

– Нет. Просто я не хочу, чтобы за ужином мы смотрели новости.

Дина хотела еще добавить, что мечтает, чтобы за ужином текла неспешная приятная беседа, но Антон перебил.

– Черт с тобой! Ладно, пусть будут не новости.

Он взял пульт и включил какой-то кино-канал. Послышался звук оружейной стрельбы, раздались визги, плач и женский крик: «Пожалуйста, не надо!» На экране разворачивалась сцена насилия и жестокого убийства. Дина мгновенно напряглась всем телом, сопереживая героине, и с ужасом заметила, что Антон преспокойно вернулся к трапезе. Его ничего не смущало.

– Ты собираешься смотреть за ужином вот это?! – оторопела она.

– А что такого? – вновь удивленно переспросил он. – Хороший боевик. Качественный. Снято правдиво, натуралистично.

– Но я не могу есть под такой натурализм, – пожаловалась Дина.

– Экая ты нежная, – недовольно протянул Антон и снова взялся за пульт переключать каналы.

Как назло, по всем каналам показывали либо боевики, либо военные драмы, либо ужасы. Раздавались то стрельба, то крики, то напряженная пугающая музыка.

– Может, что-то познавательное? – предложила Дина.

Антон демонстративно нехотя перешел в раздел познавательных каналов. И там не нашлось ничего, что могло бы стать приятным дополнением к ужину. На одном канале препарировали насекомых, на другом вспоминали завоевательные походы Наполеона, на третьем показывали бесчинства викингов, на следующем бесчинствовал львиный прайд, загонявший несчастную антилопу. Антону надоело искать, Дине захотелось вывернуть тарелку с супом ему на голову. Закончилось тем, что в спортивном разделе Антон нашел репортаж с «Формулы 1» и кухню огласили рев моторов и визг тормозов. Дина обессиленно смотрела, как на экране с бешеной скоростью мелькают болиды, и ощущала нарастающую боль в голове. Она уже не рада была, что предложила поговорить вместо просмотра новостей. Все-таки не все сюжеты были страшными, иногда попадалась любопытная информация о культурных событиях и даже что-то смешное мелькало периодически. Антону, явно, было не до аналитических рассуждений. Он уже мысленно сидел на трибуне стадиона и оценивал шансы на победу того или иного гонщика. В этот момент ему можно было подсунуть любую тюрю из чего угодно. Он проглотил бы и не заметил, увлеченный тем, что происходило на экране. Даже спор с Диной не оторвал его от еды. Он успел проглотить салат, суп и приступить ко второму блюду. Дина в свою очередь ни к чему не притронулась. Однако вместо голода и желания его заглушить она чувствовала обиду за то, что Антон не акцентирует внимания на ее кулинарных стараниях, что он даже не пытается ее понять, что между ними вместо любви одна сплошная привычка, удобство совместного проживания.

С тех пор она не сопротивлялась телевизору за ужином. Были моменты, когда ей хотелось его расколошматить молотком для отбивания мяса или выбросить в окно с их седьмого этажа, но она сдерживала свои порывы. Все-таки никогда не была истеричкой. Единственно,

иногда предпринимала попытки обойтись без телевизора. В те дни, когда ей реально было, что рассказать, чем поделиться. Бывало, она даже специально умалчивала днем о каких-то событиях, о которых раньше сразу же рассказала бы по телефону. Придерживала новости до вечера, чтобы насладиться настоящим, в ее понимании, семейным ужином. И этот день после магазинов и примерок стал именно таким.

– Подожди с пультом, – попросила Дина. – Я тебя посмешу немного.

Антон посмотрел на нее выжидающе.

– У меня такая забавная история сегодня приключилась, – беззаботно и не спеша продолжила Дина. – Представляешь, когда я была в магазине в примерочной кабине, мне позволила незнакомая мадам. Назвалась Светланой. И начала втирать что-то про свою любовь к некому Тоше и про то, что она ждет от него ребенка. Я же вообще-то не завистливая, ты же знаешь, и вот даже была готова порадоваться за нее и за того самого Тошу, несмотря на то что это совершенно незнакомые мне посторонние люди. Но вдруг она понесла такую ахинею, что я чуть не упала с табурета, на котором сидела в тот момент. Прикинь, она мне говорит, что я смертельно больна и осталось мне совсем немного, и поэтому я должна отпустить Тошу к ней. Ясное дело, мадам перепутала номер. Я ей так и сказала, и отключилась. И вот теперь все думаю, а какого это было бы услышать той, которой эти слова предназначались. Я так понимаю, что Светлана имела ввиду жену Тоши, и просила ее добровольно подвинуться. Это до чего же беспардонная женщина. Мне не только жену Тоши стало жаль, но и самого Тошу, который попал в ее сети, если даже я офигела от того, что услышала. Услышать, что ты скоро умрешь, это не располагает к позитиву. Представляешь мои ощущения? Я даже с покупками завязала на сегодня после такого стресса.

Дина рассказывала и попутно жевала. На последней фразе подняла глаза на Антона. Антон застыл, сгорбившись и опустив глаза, нервно тербил в руке вилку, поддевая и отпуская один и тот же кружок огурца в своей тарелке.

– Прости, – едва слышно произнес он.

– Что значит, прости? – оторопела Дина. – Ты, о чем?

Антон молчал, не поднимая головы.

– Ну, ладно тебе. Хватит придуриваться, – озорно и легонько толкнула его в плечо Дина, перегнувшись через стол. – Не смешно.

– Не смешно, – серьезно согласился он.

Сидел поникший и подавленный, хотя еще пару минут назад демонстрировал прекрасное настроение, с каким обычно возвращался домой с работы.

– Что происходит? – насторожилась Дина.

– Мне тяжело об этом говорить, – произнес муж после некоторого молчания, сопровождавшегося чередой глубоких вдохов и выдохов, будто, он готовился нырнуть в бассейн с тумбочки.

– Наверное, не тяжелее, чем мне слушать, – вслух предположила Дина, заподозрив что-то совсем неладное, и поторопила: – Объяснись, пожалуйста.

– Чего тут объяснять! – вдруг сорвался на взволнованный крик Антон. – Все и так ясно. У меня есть любовница. Она ждет от меня ребенка. Хочет, чтобы я на ней женился. Я долго тянул, ссылаясь на твою мнимую болезнь. Прости, – в какой раз брякнул он. – Но у Светки, видимо, терпение лопнуло.

И стукнул кулаком по столу, словно точку поставил. Тарелки с супом, заранее поставленные Диной на обеденный стол, подпрыгнули, содержимое всплеснулось, брызги разлетелись, попали на пол и на одежду Антона, на футболку и домашние спортивные брюки.

– Черт! – подскочил он, отряхиваясь и размазывая томатные пятна по футболке и штанинам.

– А как же я? – растерянно пролепетала Дина ему в спину, когда он ринулся в ванную.

– Найдешь себе кого-нибудь обязательно, одна не останешься, – пообещал Антон из ванной. – Ты хорошая женщина. Красивая. Покладистая. Здоровая. Вкусно готовишь. Мне с тобой было хорошо. Но, прости, так получилось, что у меня появилась другая. У нас будет ребенок. Я за него в ответе.

Дина с силой прикусила губу и ощутила во рту соленый привкус. Позже поняла, что это был вкус крови из губы, которую она прокусила. Губа еще долго выглядела опухшей и отзывалась болью при каждом прикосновении, но в тот момент Дина ничего не почувствовала, кроме соленого привкуса. С тех пор она ненавидела ничего соленого. Соленый вкус ассоциировался с изменой, предательством и несправедливостью. Если бы в тот момент Дина порезала руки или ноги, она скорее всего тоже ничего бы не почувствовала. Острый спазм в груди был настолько силен, что все остальное отодвинулось на второй и даже на третий план. Сознание помутилось, картинка перед глазами поплыла и только слово «прости» повторялось в ушах дробью.

Как она прожила остаток того дня, не умерев, не испустив дух, Дина не знала. Ночь не принесла облегчения. Наоборот, чувство обиды и потери обострились. Она, то тихо глотала слезы, то рыдала взхлеб с громкими причитаниями. Попыталась лечь в кровать, но не могла найти себе положения, чтобы умерить терзание души. Вставала под душ, но даже горячая вода, которая часто спасала ее и от головной боли, и от тяжелых дум, не помогала в этот раз.

– Только, пожалуйста, без глупостей, – озабоченно умолял Антон, держась при этом на некотором отдалении от нее.

Спать он устроился на диване в гостиной. И от этого было еще горше. Ведь прошлой ночью они засыпали под одним одеялом. Спустя всего лишь сутки Антон превратился в чужого человека. Как это могло произойти при условии, что никакой ссоры между ними не было, никакого разногласия не наблюдалось? Мир и взаимопонимание теплились до последнего. Или Дина старательно не замечала проблем? Как говорят в народе, жена об изменах мужа узнает в последнюю очередь. Наверное, потому что не хочет их замечать. Принципиально не снимает розовые очки. А если смело взглянуть правде в глаза, то разве отношения были идеальными, коли появилась любовница? Появилась она, судя по всему, не вчера. Потому как уже и ребенка ждет, и муж уверен, что от него. Значит, Антона что-то не устраивало в их семье? Но почему он об этом молчал? Почему так долго не заговаривал о грядущих переменах? Зачем тянул? Может, не был уверен в новой пассии и еще надеялся сохранить семью? А может, о Дине заботился, пытался как можно дольше сохранить ее спокойствие? Изошренное благородство, предельно вежливое издевательство. Однако думать так о муже, с которым прожила в любви и согласии двадцать лет, категорически не получалось. Вот если бы он изменял открыто и врал, то она бы уже привыкла. Ей было бы не так больно. Наверно...

Дина запуталась в собственных размышлениях.

– А если бы я тебе не рассказала про звонок? – задалась она вопросом в промежутке между приступами отчаяния и душивших ее рыданий.

– Все то же самое было бы позже, – спокойно ответил Антон.

– Зачем ты тянул?

– Выбирал момент.

– Чтобы ударить больнее?

– Наоборот.

– Это жестоко.

– Прости, – пустил разговор по кругу Антон.

Дина снова громко заплакала, сотрясаясь всем телом.

Так продолжалось всю ночь. Утром Антон ушел, как обычно уходил на работу. Дина осталась дома, как обычно оставалась. Необычным было то, что она не встала с постели и никаких планов на день не строила. Она лежала совершенно потерянная, готовая скорее умереть, чем

жить дальше, и думая о том, как было бы здорово иметь неизлечимое заболевание, которым наградила ее Антон и о котором твердила по телефону Светлана.

Дина не заметила, как провалилась в глубокий и спасительный сон. Ей бы не просыпаться совсем или хотя бы как можно дольше, но телефон не умел испытывать жалости и читать мысли. Кто-то набрал номер Дины, телефон послушно выдал бодрящую мелодию и продолжал ее проигрывать, пока Дина окончательно не распрощалась со сном. Нехотя и неторопливо, неуклюже, преодолевая боль во всех мышцах и частях тела, будто в предыдущий день ее подвергли не только душевной, но и физической экзекуции, Дина встала, машинально всунула ноги в тапочки и прошаркала к обувной этажерке, что ютилась в коридоре близ входной двери. Именно там Дина вчера оставила свою сумку, из которой настырно, уже в пятый или шестой раз по новой надрывался телефон. Кто-то не унимался, решив во что бы то ни стало достать Дину. Может, вознамерился окончательно уничтожить ее?

Дина вытащила трубку и уставилась на экран. Звонил Шурка Потякин – старый друг Антона.

– Да, Шура. Что ты хочешь? – устало произнесла Дина, приняв вызов и проигнорировав приветствие.

– Дина, здравствуй! – не стал уподобляться Дине Шурка. – У тебя все в порядке?

– Если не считать того, что меня бросил муж, который по совместительству твой друг, – нашла в себе силы для самоиронии Дина, – у меня все отлично. – И добавила известным мотивом: – А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!

– Чувство юмора не потеряла, это главное, – отозвался Шурка озабоченно, будто не верил во все хорошее.

Дина хмыкнула сердито.

– То есть ты в курсе произошедшего? – требовательно спросила она.

Шурка замолчал. Дине показалось, что она услышала извиняющееся шарканье ножкой. Вот только слова «прости» не хватало, которое еще вчера встало ей поперек горла. Не дожидаясь пошлого извинения, она обрушилась на Шурку со всем возможным негодованием:

– Козлы вы все! Уроды! Вам ничего не стоит использовать женщину! Прожить с ней двадцать лет, а потом бросить на произвол судьбы!

– Я тоже Антона не одобряю, – робко вставил Шурка.

– У него там любовь! – не останавливалась Дина. – А у нас с ним, что было? Не любовь, значит? Развлечение? Или вы скажете, что любовь живет лишь три года? Почему тогда при заключении брака не заявить о том, что союз не навсегда, а только до той поры, пока не угаснут чувства здесь и не появятся другие с другой женщиной в другом месте? Почему так никто не говорит? Почему все врут? Сначала врут одной. Потом другой. Твердят про любовь, а сами понятия не имеют, что это такое!

– Я знаю, что такое любовь, – снова подал тихий голос Шурка.

Снова Дина не обратила на его реплику внимания.

– Никакая любовь не может быть оправданием предательству! Они не совместимы. Если ты предатель, то не способен любить, – пришла к неожиданному для самой себя выводу Дина. – Лишен ты способности любить, если ты предатель, – утвердилась в собственном выводе она и обессилено опустилась на пол возле этажерки, привалилась спиной к стене.

Пол и стена были прохладными, заставили поежиться, но не остановили поток ее мыслей.

– Да, наверное, это так – любовь не может длиться вечно, – сделала допущение она. – Только в сказках, которые сочинялись в давние времена, такое было возможно. Тогда и в жизни было именно так. Но не потому, что все любили друг друга до ста лет, а потому, что жили до

тридцати, а то и меньше. Войны, эпидемии, грязь, голод убивали людей раньше, чем умирала их любовь. Клятва любить до гроба звучала более чем реалистично. Но теперь жизнь изменилась, удлинилась и наполнилась искушениями. Вот она настоящая проверка для любви – не испытание перед свадьбой – ну, там, например, победи дракона, или пойдя туда, не зная куда и принеси то, не зная, что. – Дина неожиданно сама себе улыбнулась и тут же снова посерьезнела. – Настоящее испытание – это прожить вместе пять десятков лет и ни разу не предать и не бросить, даже тогда, когда угаснет физическое влечение. В память о нем, о пылких чувствах и совместных днях и ночах, оставаться близкими людьми, а не прыгать из постели в постель в поисках новых впечатлений, забив на того, кто тебе доверяет. Если ты себя так ведешь, то значит ты с самого начала не любил, – повторила Дина мысль, озвученную ей же парой минут раньше.

– Дина, я все еще люблю тебя, – услышала она слова Шурки.

– Вот только шуток твоих мне сейчас не хватало, – глотая новую порцию слез, прошептала Дина.

– Я никогда с этим не шутил, – пылко затараторил Шурка. – Я просто не смел уводить тебя от лучшего друга. Тем более, что вы уже были женаты, когда мы познакомились. Мне оставалось только ждать и надеяться. Я даже не использовал загулы Антона, считая недостойным доносить. Более того, я всегда его ругал, что он поступает мерзко по отношению к тебе.

– То есть, ты все знал? – неприятно удивилась Дина. – Знал и молчал?

– Я не молчал. Я постоянно ему твердил, что он тебя не достоин.

– Мне ты ничего не говорил.

– Нет, – согласился Шурка. – Ну а как ты себе это представляешь? Что я должен был делать? Приходить и сообщать, что Антон встречается с очередной любовницей? Ты меня стала бы слушать? Что ты обо мне подумала бы?

– Я и теперь ничего хорошего не думаю, – отрезала Дина. – Все вы козлы!

– Позволь я приеду к тебе, – попросил Шурка.

– Ни в коем случае, – торопливо отказала Дина. – Не хочу тебя видеть. Никого видеть не хочу!

И отключилась, чтобы и не слышать. Покрутила в руках телефон с мыслью, а не стереть ли номер Шурки, который до последнего времени ей нравился очень. Ну, почти, как Антон. Временами, даже сильнее, потому что весело болтал с ней при каждой встрече. Проявлял интерес к тому, чем она увлекалась. Нахваливал ее кулинарные способности. В отличие от мужа, принимавшего все, как должное. Шурка оказался не столько талантливым программистом, сколько удачливым предпринимателем. Под его руководством развивалось агентство, специализирующееся на защите от компьютерных вирусов. Иногда Шурка сравнивал себя с пограничником, стоящим на страже. Только на страже не географической территории, а виртуальной. Впрочем, чем дальше, тем стремительнее второе сопрягалось с первым, создавая нечто единое и уже не вмещающееся однозначно в определенные границы личного пространства, корпоративного или даже государственного.

Бывало, Дину посещали крамольные фантазии о союзе с Шуркой. Казалось, что с ним она была бы на порядок счастливее. Но уже в следующее мгновение она возвращалась мыслями к Антону и корила себя даже за умозрительную измену. В реальности на подобное она была неспособна и категорически осуждала тех, кто спокойно относился к наличию любовниц или любовников. Шурка, получается, относился спокойно. Значит, он ей больше не друг.

Однако телефон его Дина все-таки сохранила. Может потому, что отвлеклась на изучение телефонного справочника. Наконец решила посмотреть, с какого номера звонила вчера Светлана. Подумала, а не перезвонить ли ей и не наговорить ли гадостей алаверды.

Внимательный просмотр всех недавних звонков не показал Дине ни одного незнакомого номера. Сверка со временем вскрыла неприятный факт: звонила Светлана с номера Антона.

Вот так поворот, который наверняка удивил бы Дину еще вчера, но сегодня она уже не удивлялась. Значит, любовнички, Светлана с Антоном, были вместе, когда Дина выбирала наряд для празднования двадцатой годовщины свадьбы. Фу, как гадко. Обидно. До слез.

Дина снова заплакала, прижав руки к груди, где что-то пылало так жарко и давило так сильно, что казалось ребра вот-вот не выдержат и треснут. Мука душевная породила боль физическую – страшный симбиоз, влекущий непредсказуемые последствия.

На прямоугольном экране электронного градусника мерцали блеклые серые, словно ртутью выведенные, цифры – 38,9. Виделись они не четкими, расплывчатыми. Скорее не потому, что градусник был старым и готовым выйти из строя, а потому, что Дина чувствовала себя отвратительно и не могла сфокусировать взгляд. Она вообще не могла сконцентрироваться. Ни читать не могла, ни телевизор смотреть, ни радио слушать. Только охала и причитала о тех испытаниях, что выпали на ее долю.

Голова раскалывалась, словно ее изнутри распирал металлический обруч, который состоял из двух полуободов, соединенных шурупами. Приходились эти вымышленные шурупы на области висков, выпирали и вызвали особенно болезненные ощущения. Все тело ломало и выкручивало так, что невозможно было найти положение для хотя бы временного облегчения. В довершение к перечисленному бил озноб, время от времени уступавший место потливому жару. Дина то натягивала на себя одеяло из верблюжьей шерсти, то отбрасывала его в сторону. К вечеру третьего дня, как проявились первые признаки недомогания, начало саднить горло и свербеть в носу. Стало ясно, что насморк и кашель не за горами. Типичный грипп, определила свое состояние Дина и полезла в интернет за советами по лечению.

Она уже несколько лет не обращалась за медицинской помощью в поликлинику. Ей хватило тех многочисленных исследований и процедур, которые так и не дали счастья материнства. Она утратила доверие к врачам, стала больше заниматься профилактикой недугов. Каждое утро начинала с «сурья намаскар», каждый день вышагивала не меньше пяти километров, один-два раза в неделю плавала в бассейне. Конечно, и питаться старалась правильно, и поддерживать хорошее настроение, свято веря в то, что психология тесно связана с физиологией. До последнего времени удавалось избегать серьезных заболеваний. Редкие легкие простуды не в счет. Дина иногда даже хвасталась подругам, как молодо и бодро себя чувствует. Хвасталась не с той целью, чтобы утереть им нос, а для того, чтобы вызвать в них желание последовать ее примеру, агитировала их на здоровый образ жизни. Подруги часто жаловались на проблемы со здоровьем, на дороговизну лечения, халатное отношение врачей и отсутствие желаемых результатов.

– Посмотрите на меня, – призвала к вниманию Дина при очередной встрече. – Я и выгляжу неплохо, и прекрасно себя чувствую. Вы можете также. Тут нет никаких секретов. Всего-то и нужно, что немного времени и силы воли.

– Ой, не надо ерунду молоть, – скривилась Илона. – Тебе просто повезло с генетикой.

– Отсутствие детей ты называешь везением? – оскорбилась Дина.

Илона смутилась, но ее поддержала Валя:

– Вот именно, – заявила она. – Ты потому такая здоровая, что детей у тебя нет. Были бы дети, не порхала бы, как бабочка по фитнес центрам.

– Ты хочешь сказать, что тебе дети мешают? – выразила удивление Дина. – Твоим пацанам сколько лет?

– Сколько бы ни было, – отмахнулась Валя. – Даже двадцатилетний сын требует внимания. А уж сколько питания он требует!

Валя широко развела руки, будто пыталась определить размер тарелок и объем порций, которые съедал ее старший сын.

– И сколько нервов на них уходит! – добавила Валя, напоминая, что сын у нее не один, их двое. – Особенно на младшего.

– Вот и восстанавливала бы себе нервы йогой и бассейном, – посоветовала Дина.

Валя поморщилась:

– Никогда не понимала йогу. Скучная она.

Дина повела плечами, типа, ну что ж, бывает, не всем подходит, и предложила варианты:

– Не нравится тебе йога, есть и другие занятия: пилатес, зумба, тай-бо и черт его знает, что еще. Сейчас все есть, на любой вкус.

– Все есть, а времени и денег нет, – продолжала упираться Валя.

– На врачей и лекарства деньги находишь? – придралась Дина. – Сериалы смотреть время есть?

– Можно подумать, что упражнения заменят мне поликлинику, – сохраняла скепсис Валя. – А сериалы я смотрю, пока обеды и ужины готовлю. Борщ за меня никто не сварит, пока я в спорт клубе буду ногами и руками махать. Сначала там устану, потом и дома не отдохну.

Дина беспомощно покачала головой. Она сильно сожалела, что не могла убедить своих подруг поменять мировоззрение. И уж совсем коробила ее позиция Илоны.

– Подожди еще, – язвительно пророчествовала та. – Вот грянет у тебя климакс, перестанешь скакать козочкой.

– Ты мне этого желаешь? – холодным тоном осадил подругу Дина, давая ей понять, что та не слишком добродушна.

– Нет, что ты, – взялась отнекиваться та. – Просто констатирую факт. На собственном опыте знаю, какое это мучение.

На последних словах Валя начала жалеть Илону. Илона в ответ сказала, что ей придется держать себя в руках и не падать духом, потому что дочка с внучкой без нее никак не обойдутся. Валя согласилась, что без бабушки никак. Обе могли кудахтать без устали о детских заботах и тревогах. Дина, хоть и проявляла участие и внимание, но ощущала себя при этом лишней. Она молча слушала и терпеливо дожидалась, когда подружки переключатся на что-нибудь другое, например, на кино или книги, или кулинарные рецепты. Благо у них было немало общих интересных тем. Они скучали друг без друга и даже некоторые разногласия не мешали их дружбе.

Илона жила относительно недалеко от Дины, в том же районе, но так, что не было прямого транспорта между ними. С двумя или тремя пересадками можно было добраться минут за сорок, если ни автобус, ни трамвай не подведут. С Валею Дину соединяла прямая ветка метро, но, поскольку жили на разных ее концах, то на дорогу уходило больше часа. Не заглянешь просто так в гости чайку попить. Встречались подружки как правило, в центре, на нейтральной территории. Один-два раза в году бывали приглашены в гости к одной из трех по какому-нибудь праздничному случаю, если случай позволял совместить семью и друзей. Поскольку семьи постепенно прирастали новыми членами – детьми, зятьями, сватами, внуками, то приглашения в гости поступали все реже. Все чаще подружки созванивались, чем встречались. Но к кому Дине было еще обратиться в критический момент, если не к ним.

Выбрав в интернете из огромного перечня лекарств от гриппа один более-менее приемлемый препарат, Дина позвонила Вале.

– Привет! – прохрипела в трубку.

– Что случилось? – всполошилась та. – Тебе плохо?

– Да, заболела.

– Грипп подхватила? – догадалась Валя.

– Похоже на то.

– Врача вызывала?

– Нет. Сама знаешь, на дом сейчас приходят неохотно.

– Знаю, – живо подхватила Валя. – У меня Лешик после выходных тоже закашлял и засопливил. Куда такого в школу отправлять? Решили оставить дома. Но просто так нельзя, училка обязательно попросит справку предъявить. Пришлось звонить в поликлинику. А те, представляешь, спрашивают, какая температура. Я им отвечаю, что температура почти нормальная – тридцать семь и два. Так они мне посоветовали самим в поликлинику топать. Якобы на дом врач приходит только, если температура высокая или ребенок грудной. А мой Лешик – уже десятиклассник, мол не растает и не рассыплется от визита к врачу. Прикинь?

Дина хмыкнула в знак согласия с Валею и несогласия с политикой поликлиники. Валя продолжала:

– Как я рассердилась, как скандал закатила! Что, говорю, он должен в общей очереди сидеть? Рядом с теми, кто выписываться пришел? Чтобы те по новой заболели, им зараженные?

– И что? – перебила разгорячившуюся подругу Дина, которая каждый громкий звук воспринимала, словно удар молотком по голове.

– Прислали нам врача домой, как миленькие, – победным тоном сообщила Валя. – Правда пришла не наша участковая, а какая-то другая докторша. Долго ругалась, что врачи сами болеют, что на каждого оставшегося в строю приходится по три участка, что она уже еле двигается и плохо соображает, а у нас, как выяснилось, такой большой парень и вполне себе ходячий. Так мне пришлось ей повторно высказать все, что думаю о нынешней медицине, чтобы она выполнила свою работу и не трепала мне нервы понапрасну.

– Их тоже можно понять, – робко вставила свое мнение Дина.

– Не надо их понимать, – возразила Валя. – Надо требовать выполнения служебного долга и все тут. Любят наши врачи ссылаться на загруженность и маленькую зарплату. А разве их силком на эту работу определили? Они же сами ее выбрали. Я считаю, если они подписали контракт, то должны выполнять все его пункты неукоснительно. И не фиг жаловаться.

– Так Лешик твой сейчас дома сидит? – уточнила Дина, не желая развивать острую проблему состояния современной медицины.

– Мы вместе сидим, – сообщила Валя.

– Ты тоже болеешь? – сочувственно спросила Дина.

– Я – нет. Да и Лешик уже поправился. Вовремя начал пить лекарства, так ни кашель, ни насморк не разгулялись в полную силу. Но мы решили, если есть возможность, отдохнуть до конца недели. Он от школы. Я от своих пенсионеров. Больничный мне положен официально, как матери больного ребенка.

Дина не стала указывать Вале, что поступает та, мягко говоря, халатно по отношению к своей должности. Наверняка, в пенсионном фонде немалые очереди и каждый инспектор на счету, особенно в период эпидемии, но Валя позволяла себе не работать без особого повода. И при этом ругала врачей. Двойные стандарты на лицо. Однако Дина не стала морали читать, не до того ей было.

– Валя, – решила она обратиться с просьбой. – Ты не могла бы купить мне лекарство и привезти? Я тебе деньги сразу отдам.

– Тебе так плохо, что не можешь Антона дожидаться с работы? – удивилась Валя.

– Нет у меня больше Антона, – еле сдерживая слезы, произнесла Дина.

Ей казалось, что она уже выплакала все, что можно, и теперь до конца жизни не проронит ни слезинки. Но слезы продолжали появляться при каждом упоминании об Антоне или мысли о нем.

– Что значит, нет у тебя больше Антона?! – обалдело повторила Валя. – Умер?!

– Для меня... умер, – признала Дина с подобием усмешки и добавила, чтобы не вводить подругу в заблуждение: – Ушел он от меня. К любовнице. Еще на прошлой неделе.

– Ты подумай, какой гад! – воскликнула Валя голосом, в котором слышались удивление и осуждение одновременно. – Вот козел! Мог бы и не ставить тебя в известность о любовнице. Погулял бы втихаря, да и вернулся в лоно семьи. Наверное, он так и собирался. Кто же такую женщину, как ты, променяет на другую. Только дурак. Предполагаю, что любовница сама все подстроила так, чтобы ты узнала о их связи, и тебе уже деваться было некуда, как только выгнать Антона. Хотя ведь и это не обязательно. Подумаешь, погулял. Кто из них не гуляет на стороне? Все гуляют. Но далеко не все из семьи уходят. Шило на мыло менять не каждый готов, пока любовница не настоит.

Дина слушала и не знала, как реагировать. То ли Антону посочувствовать, то ли Валию пристыдить.

– Я не выгоняла, – в конце концов, призналась она. – Он сам ушел.

Про себя подумала, что жить вместе после таких откровений они все равно не смогли бы. Дина не смогла бы.

– Ясно... – протянула Валя и после секундной паузы застрекотала вновь: – Ты не переживай, он вернется. Наиграется там и вернется, как миленький. И все у вас будет хорошо. Знаешь, говорят, что супруги изменяют затем, чтобы убедиться, насколько сильно любят свою вторую половину. Даже в фильмах часто показывают, как измена укрепляет чувства.

– Одно дело фильм, другое – жизнь, – недоверчиво отозвалась Дина. – Мне кажется, я Антона не прощу. Даже если захочет вернуться, не смогу принять.

– С горяча-то не руби, – посоветовала Валя. – Прямо сейчас решение принимать не надо. Никто же не торопит, правильно я понимаю?

– Правильно, – согласилась Дина. Она устала, ей было проще согласиться, чем продолжать спор. – Так ты можешь мне лекарство купить и привезти? – еще раз спросила она.

Валя замешкалась.

– Сегодня вряд ли, – извиняющимся тоном пролепетала она. – Лешика оставить не могу. Болеет же.

Дина не стала напоминать, что за пять минут до того Валя утверждала, что Лешик чувствует себя хорошо. Валя добавила, что ей еще обед готовить на старшего сына и мужа. И вечером она уже будет не в состоянии куда-то ехать. Короче, времени и сил у нее нет совсем, даже разговаривать дальше по телефону не может. По скорому попрощалась и отключилась, попросив Дину звонить и держать в курсе событий с Антоном.

Дина постаралась не обидеться, но не получилось. Чтобы отвлечься и просто, на всякий случай, решила позвонить Илоне. Вдруг та будет где-то поблизости или не столь занята. Дина несколько раз набирала Илону и утыкалась в короткие гудки. Когда наконец прорвалась, та сразу завалила ее вопросами про Антона.

– Тебе Валя рассказала? – догадалась Дина.

– Только что, – подтвердила Илона.

– А про то, что я заболела, она тебе сказала? – поторопилась прояснить ситуацию Дина, чтобы не слушать мнение Илоны относительно поступка Антона.

Что-то подсказывало Дине, что Илона солидарна с Валей. А позиция Вали уже была известна.

– Ты заболела? – удивленно переспросила Илона и добавила: – Конечно, такие переживания. Чтоб этим мужикам пусто было! – Матюкнулась и сочувственно поинтересовалась: – Очень плохо?

– Да, – сказала Дина и замолчала, ожидая, что Илона сама предложит помощь по-дружески и чисто по-человечески, но та молчала в ответ. Тогда Дина сама спросила: – Ты можешь купить мне лекарство и привезти?

– Сегодня? – уточнила Илона.

– Желательно.

- Нет, сегодня не могу. После работы домой лечу, внучку на меня оставляют.
- А завтра?
- Завтра тоже не получится, на стрижку записана.

Дина не имела права осуждать подругу за то, что у той были свои планы. Не имела права, но осудила. Вслух ничего не сказала, но видимо громко подумала.

- Ты обиделась? – заподозрила Илона.
- Нет, что ты, – возразила Дина. – Все нормально. Пока.

Отключилась, не дожидаясь ответного прощания. Отложила телефон на край кровати и уткнулась носом в подушку. Рыдания вновь сотрясли ее. А когда очередной приступ истерики утих, градусник высветил 39,4. Появилось основание звонить в скорую помощь.

Вернувшись из больницы домой, Дина застала на пороге квартиры Антона. Не успела повернуть ключ в замке, как дверь перед ней распахнулась. Судя по тому, что Антон стоял в куртке и ботинках, то уже собирался уходить.

– Привет! Ты как? – участливо спросил он, отступая и давая ей возможность пройти внутрь. – Выписали? Почему не сказала? Я бы приехал за тобой, привез на машине.

Он торопливо взял из рук Дины два объемных пакета с больничной одеждой и прочими причиндалами, которые скрашивали ей две недели пребывания в инфекционном отделении. Что-то она из дома захватила сама, когда скорая ее увозила. Что-то позже подкинул по ее просьбе Антон. Ей пришлось обратиться к нему, потому что на подруг надежды не осталось. Не осталось самих подруг. Дина вычеркнула их из своей жизни, осознав, что мировоззрение Илоны и Вали давно уже ее коробило, что поддерживала она отношения с ними исключительно по привычке.

Антон приезжал в больницу три раза. Интересовался самочувствием и оскорблялся, когда она ему отвечала, чтобы ни он, ни его пассия не рассчитывали на ее преждевременную смерть.

- Живее всех живых, – рапортовала она, преодолевая боль в груди и горле.
- Лекарства надо купить какие-нибудь? – спрашивал Антон.
- Хочешь подкинуть мне яду?

Антон поджимал губы, желваки на его лице играли, но он сохранял вежливость.

– Светка могла бы чего-нибудь приготовить для тебя, – предлагал он. – В больнице кормежка отвратительная, наверно?

– Съедобная, – огрызалась Дина. – От любовницы твоей мне ничего не надо. И сам уже вали к ней. Видеть тебя не могу.

Предполагалось, что Антон живет у своей любовницы, к которой ушел на следующий день, как все прояснилось. Конечно, в квартире оставалось немало его вещей, и он вполне мог за ними приезжать, но Дина надеялась, что эти визиты будут с ней согласовываться. Ей казалось, что именно так они договорились.

– Ты зачем здесь? – поинтересовалась она, будто бы равнодушно, но на самом деле с трудом скрывая волнение.

С одной стороны, ее охватила надежда на восстановление любви и мира, а вдруг он решил к ней вернуться. С другой – она понимала, что жить, как прежде, все равно не получится. Доверие было утеряно навсегда. Печально, хотя любовь ее еще не остыла. Раздирающее душу противоречие. Впору было возвращаться в больницу, теперь на отделение психиатрическое.

- Я тут кое-что привез, – как-то неловко и несмело произнес Антон.
- Что именно?

Дина подозрительно прищурила взгляд. Он не мог знать о ее выписке и готовиться к ее возвращению. А вдруг надеялся и готовился? Может, цветы ее ждут на кухне? Сердце екнуло, в горле встал ком.

– Кое-что Светино, – будто нехотя выдавил из себя Антон.

Дина замерла в недоумении.

– Что?! – поперхнулась она.

Антон еще немного помялся и выдал:

– Переезжает она сюда, ко мне.

– А я куда?! – оторопела Дина.

– У нас же три комнаты, – повел плечами Антон. – Места всем хватит.

– Нет-нет-нет, – активно запротестовала Дина. – Это мой дом. С какой стати я должна его делить с твоей любовницей?

– Это еще и мой дом, не забывай, – сердито буркнул Антон.

– Твой и мой, – согласилась Дина. – Но ни чей больше.

– А что нам делать?! – вдруг взорвался Антон. – Светка раньше снимала квартиру в Химках. Это было не так дорого, как в центре, но штуку баксов я за нее выкладывал. Теперь мы решили, что надо экономить, на ребенка деньги скоро понадобятся. Знаешь, какие расходы с детьми нынче?

– Не знаю. И знать не хочу.

– Ты только не начинай истерить по новой, – недовольно скривился Антон. – Мы ведь уже обо всем договорились.

– Мы не договаривались, что будем жить в одной квартире, – возразила Дина. – Может, ты еще предложишь жить втроем? Типа, шведская семья?

– Ну... – раздумчиво промычал Антон. – Я бы не отказался.

– Зато я отказываюсь!

– Не хочешь втроем, не будем. Будем по отдельности. Нам комната с балконом, чтобы пеленки было где сушить. Тебе кабинет. Зал общий. Он у нас и так проходной.

– Ты сам спланировал это? Или стерва твоя тебя надоумила? – с ненавистью прошипела Дина.

– Не смей ее так называть! – взбеленился Антон. – Она будущая мать моего ребенка!

– Ты уверен? – едко подколола Дина.

– Уверен, – постановил он. – Живот уже выпирает. По прикидкам врача шестой месяц. Через три рожать.

– Я не о том, – перебила Дина. – Ты уверен, что ребенок от тебя?

– Так! – топнул ногой Антон. – Я уверен и тема закрыта! Поняла?!

– Все что хочешь, но жить вместе мы не будем! Понял?! – выставила встречный иск Дина.

Они стояли в коридоре против друг друга еще недавно благополучная семья с двадцатилетним стажем. Теперь совершенно посторонние друг другу люди. Хотя, нет, не совсем посторонние, а непримиримые враги, каждый со своими целями и задачами.

– Квартиру надо разменять, – пришла к неутешительному выводу Дина, считая это уступкой со своей стороны на пути к общему консенсусу.

Она вложила немало сил и много души в семейное гнездо. Сама клеила обои, красила батареи. На стенах кое-где висели ее картины, вышитые крестиком. На полках теснились сувениры, привезенные из дальних стран и ближнего пригорода. Придирчиво подобранные люстры наполняли комнаты ярким светом. Самолично подшитые шторы и в тон им пледы и подушки добавляли уюта и тепла. Все наполнилось любовью, которая испарилась без остатка. Конец любви – конец дому. И будто в доказательство печальных мыслей неожиданно из спальни донесся грохот. Дина с Антоном испуганно переглянулись и кинулись на звук. Увидели дверцу шкафа-

купе, сорвавшуюся с петель. Если бы она долетела до пола, то неминуемо бы треснула. Но ее спасла кровать, приняв удар на себя и нивелировав возможные последствия.

– Фу... – облегченно выдохнул Антон, приподняв дверцу, оглядев ее с обеих сторон. – Целая.

Тут же взялся, чертыхаясь, прилаживать на место.

– Жаль, что не в щепки, – с горечью в голосе высказала свое мнение Дина.

Присела на край кровати. Провела ладонью по шелковому покрывалу кремового цвета с шоколадным геометрическим узором. Вспомнила, как выбирала его, ориентируясь не только на свой вкус, но также на предпочтения Антона, любившего все сладкое, особенно, шоколад. Подавила готовые появиться слезы, сколько можно плакать, самой уже надоело. Решительно произнесла:

– В любом случае нам следует разехаться. У каждого теперь своя жизнь.

– Вот и займись этим вопросом, – посоветовал Антон, в этот момент едва не упустив дверь, норовившую выскользнуть из его рук и снова упасть. – Черт!

Дина даже не пошевелилась, чтобы ему помочь. Смотрела холодно и отстраненно, окончательно проведя между собой и им незримую черту, определившую статус мужа, как бывшего. Штамп в паспорте уже ничего для нее не значил. Где-то в глубине сознания промелькнула мысль, что может стоит даже порадоваться за мужчину, который, наконец, станет отцом. Он ведь когда-то хотел этого с Диной. Но вместо радости за Антона Дина испытала новый приступ жалости к себе. Отдавая себе отчет, что найдется немало людей, которые осудят такую позицию, она позволила себе быть честной в первую очередь с самой собой: в данном конкретном случае конкретный чужой ребенок ее не радовал.

Пять месяцев до часа икс:

Дина засела за просмотр сайтов о недвижимости. Нашла пяток объявлений о похожих по расположению и площади квартирах. Позвонила по указанным телефонам, поинтересовалась стоимостью, записала для сравнения. Перечитав еще несколько десятков объявлений, решила составить свой текст, ориентируясь на предложенный шаблон. Опубликовала на паре сайтов, отправила по электронной почте в редакцию газеты «Квадрат в квадрате». Стала ждать, попутно выискивая и высчитывая на какие две квартиры может хватить вырученных денег. Картина складывалась неутешительная. Имея три комнаты в одной квартире, они могли надеяться лишь на две однушки, и то не новые. Был вариант доплаты и приобретения чего-то более просторного, но для себя Дина определила сразу, что ни в какие кредиты и долги влезать не станет. И так непонятно, где и какую работу искать, и на что жить. Еще не хватало, чтобы за непогашенный вовремя кредит или невозвращенный вовремя долг ее лишили крыши над головой. С чем она вообще тогда останется? А вот Антон с его молодухой пусть влезает в кредиты и долги, сколько хотят, ее это не касается. Ее задача лишь продать эту квартиру и купить себе что-нибудь приличное за половину вырученных денег. Все!

Потенциальные покупатели начали звонить уже на следующий день. Выспрашивали подробно о месте расположения дома и годе постройки, о площади, планировке и состоянии квартиры на предмет ремонта. После вопроса о цене, благодарили за информацию и отключались. Дина забеспокоилась, не слишком ли много запросила. Еще большее беспокойство испытала, когда один из звонивших пожелал лично квартиру осмотреть. Так и сказал:

– Можно мы к вам зайдем?

– Я вам перезвоню, – поторопилась ответить Дина. – Мне надо посоветоваться с мужем.

Она пришла в полное смятение. Ей не улыбалось одной принимать незнакомых людей, приглашать каждый раз Антона тоже не хотелось. Она понимала, что советоваться с ним придется непременно, но не горела желанием встречаться часто, слишком тяжело было его видеть. И потом, он ей доверил продажу, устранился, она должна решить все сама. Доказать ему и себе, что самодостаточна и успешна, чтобы он локти кусал, а она гордилась собой. Еще накануне она была уверена, что легко справится, теперь ответственность придавила и напугала ни на шутку. Обращение в агентство недвижимости, про которое она изначально думала, как о лишнем затратном звене, показалось более чем разумным.

После долгих и муторных знакомств с официальными сайтами, перечитываний отзывов на нейтральных форумах и прислушиванию к своей интуиции Дина выбрала фирму под названием «Монументаль». Понравилось название, наличие дипломов и благодарностей от застройщиков и администрации города, большое количество положительных отзывов клиентов. К тому же офис находился недалеко от дома – в двух остановках метро, куда она и направилась, не теряя времени.

На выходе из метро Дине не пришлось долго крутить головой в поисках нужного направления. Рекламная растяжка над проспектом привлекла ее внимание знакомым названием и стрелкой, куда следует двигаться. Буквально через два шага по указанному направлению Дина уткнулась в информационную круглую тумбу со схематичной серой картой города и яркими фотографиями квартир, привязанных к определенным районам красными пунктирными линиями. Поверху и понизу тумбы красовался узор из выпуклых серых бетонных блоков, сложенных в буквы. Буквы в свою очередь образовывали слово «Монументаль». На асфальте рядом с тумбой белой краской были выведены стрелка и подпись «50 метров».

Метры считать не пришлось. Конец пути определял штендер, перегородивший добрую треть тротуара, так что проскочить мимо него, не заметив, шансов было мало. На штендере Дина увидела ту же карту города, что украшала круглую тумбу возле выхода из метро. А

вот фотографии квартир показались новыми, хотя она внимательно не разглядывала их ни на тумбе, ни на штендере. Только убедилась, что и здесь присутствовали красные пунктирные линии и монументальное слово «Монументаль», означавшее, что она не заблудилась. Справа от штендера находилась стеклянная витрина с вмонтированной в нее дверью. Дверь нельзя сказать, что украшали, скорее декорировали длинные бумажные полотна. Левее наверху чернел заголовок «ПРОДАЖА», правее – «АРЕНДА». Ниже располагались короткие тексты – описания помещений с цифрами и кое-где схемами и фотографиями. Дина невольно присмотрелась к подборке слева под заголовком «ПРОДАЖА». Первое же объявление, на которое упал ее взгляд, заставило вздрогнуть. В тексте шла речь о выставленной на продажу квартире в точности, как у них с Антоном, и адрес соответствовал... их адресу! Как это могло быть? Неужели Антон ей не доверял и тоже занялся поиском покупателя, дав объявление в агентство? И ничего ей не сказал? Не посчитал нужным?

Новая волна обиды и злости накатила на Дину, но в этот раз она не дала разыгаться слезам, а тут же полезла за телефоном, чтобы немедленно высказать негодование.

– Никаких объявлений я не давал, – заверил ее Антон, после того, как она на него накричала от души. – Ты теперь во всем меня будешь подозревать? – недовольно рыкнул он. – Я конечно виноват перед тобой, но уже сто пятьсот раз извинился. Чего тебе еще надо?

– Может, твоя любовница решила поучаствовать в разделе имущества? – едко предположила Дина. – Мне не доверяет, вот и суется, куда не просят.

– Совсем сдурела? – гаркнул Антон.

– Ты уверен? – не сдавалась Дина. – Может, имеет смысл у нее спросить?

– Только попробуй ее тронь! – Голос Антона был тверд, как гранит. – У нее там какие-то проблемы с вынашиванием. Лежит все время, задрав ноги на подушки. Еще не хватало ей нервы трепать, чтобы выкидыш случился.

– Мне, значит, трепать нервы можно, а ей нельзя?!

– Дина, – после паузы примирительно произнес Антон и чувствовалось, что спокойствие дается ему с трудом. – Я понимаю твое состояние и очень прошу поверить мне на слово, Света в продажу квартиры не лезет. Ей не до того. И мне тоже не до того. Набрал заказов. Пашу без продыху. Нужна будет помощь, звони. Пока.

Трубка погрузилась в молчание. Дина посмотрела на нее с ненавистью. Перевела взгляд на дверь с объявлениями и резким движением толкнула ее.

Над головой брякнула бамбуковая «музыка ветра», потревоженная движением двери. Слева и справа всколыхнулись с легким шорохом вертикальные полосы светло-бежевых жалюзи. Взору Дины открылось достаточно большое помещение, выглядевшее тесным из-за обилия мебели. Все пространство было заставлено офисными столами, стульями и стеллажами с узкими проходами между ними. На вскидку Дина насчитала семь столов и в три раза больше стульев. На столах располагались компьютеры, бумаги, канцелярия, различные мелочи, какие люди могут использовать в офисной работе, или какими любят украшать свое рабочее место. На ближайшем ко входу столе Дина увидела вазу в форме высокого и широкого коньячного бокала, наполовину заполненную конфетами – разноцветными леденцами, размером с горошины, обернутыми в прозрачные целлофановые фантики. Конфеты меньшего размера трудно было представить. И эти выглядели скорее, как лекарственное витаминное драже, а не лакомство.

В правом дальнем углу приткнулся кулер. Напротив него, слева открывался арочный проем, то ли в глубокую нишу, то ли в коридор. Вся дальняя стена между кулером и аркой была занята картой Москвы. В отличие от той, что украшала тумбу и штендер, эта изобиловала цветом. Мелкие названия улиц от входной двери не прочитывались никак, но то, что перед Диной раскинулась Москва, не подлежало сомнению. Очертания российской столицы не перепутаешь ни с каким другим городом. Огромный концентрический муравейник на дюжину миллионов

жителей. Больше, чем бывает насекомых в настоящем лесном муравейнике. Карта метра на три в ширину и высоту заворожила Дину, приковала к себе ее внимание. Дина даже не сразу услышала, обращенные к ней слова:

– Добрый день! Чем можем помочь?

Из-за правого ближнего стола ей навстречу поднялся невысокий и полноватый молодой мужчина, лет тридцати с небольшим на вид, но вполне возможно, что моложе, полнота часто зрительно добавляет годов. Пока мужчина сидел, его скрывал монитор. Как встал, так сразу занял прилично места. Даже было странно, что Дина его не заметила сразу. Он был одет в темно серый, почти черный деловой костюм, из-под расстегнутого пиджака которого выглядывала белая рубашка, обтянувшая живот, словно до отказа надутый мяч. Из-под воротника рубашки свисал светло серый с темными зигзагами галстук, прикрепленный к рубашке серебристой булавкой, вполне возможно, что серебряной. Розовые блестящие щеки, аккуратная стрижка и тщательно зачесанная набок челка идеально сочетались со всем остальным до мелочей продуманным обликом. Только уголка накрахмаленного платочка, торчащего из верхнего нагрудного кармана пиджака, не хватало. Впрочем, если бы был такой карман, то был бы, наверно, и платочек. Дина невольно улыбнулась розовощекому пухлику, больше всего похожему на добродушную панду. «Пухлик-панда», – так она его и окрестила про себя. Кроме него в офисе больше никого не было. В связи с этим Дине показалось странным, что он сказал не «чем могу помочь?», а «чем можем помочь?». Либо он думал о себе во множественном числе, либо олицетворял себя с агентством. Второе было предпочтительней, потому что первое отдавало психическим расстройством. Второй вариант тоже нельзя было назвать абсолютным здоровьем, но быть помешанным на работе, это несчастье для самого сотрудника и его близких, а для предприятия скорее удача, чем наоборот.

– Кто в вашем офисе отвечает за объявления, вывешенные на улице? – спросила Дина, постаравшись, чтобы ее голос не звучал мягко, хотя вид пухлика-панды вызывал в ней умиление.

– Вас заинтересовало какое-то из них? – угодливо склонил голову на бок тот.

– Да, – вызывающе подтвердила Дина.

– Какое именно?

– Вот то, – Дина не глядя ткнула пальцем в стеклянную дверь за своей спиной, – Верхнее.

С адресом по Славинскому переулку.

Дина назвала номер дома, этаж, общую жилую площадь квартиры и количество комнат, все более распаяясь, но пухлик, казалось, не замечал ее реального настроения.

– Это очень хороший вариант, – радостно затараторил он. – Прекрасный район. Капитальный дом. Шикарная планировка. Цена выгодная.

– Выгодная для кого? – озадачилась Дина. – Для продавца или покупателя?

– Для покупателя.

– Значит, продавец продешевил? Или с квартирой что-то не так?

– Ситуации бывают разные, – пустился в пространные объяснения мужчина. – Иногда людям надо продать квартиру быстро, тогда они скидывают цену. Если срочности нет, то ждут того, кто готов заплатить больше. Качество квартиры не всегда определяется ценой. Бывают классные дешевые варианты и дорогие никудышные. Эта квартира классная, но недорогая.

– А откуда вы знаете, что это... – Дина снова махнула рукой в сторону объявления, о котором шла речь, – классный вариант?

– Я профессиональный риелтор, – с достоинством произнес мужчина. – Я все знаю.

Щеки его при этом стали еще розовее.

– Вы эту квартиру видели? – опешила Дина.

– Да, – уверенно заявил тот.

– Вы в ней были?

– Конечно.

– Может, еще скажете, что в ней живете?! – Дина взвизгнула от наглой неприкрытой лжи.

– А в чем, собственно, дело? – оторопело взглянул на нее мужчина.

Довольная улыбка, наконец, покинула его мягкие широкие губы. Он растерянно заморгал.

– Это моя квартира! – выпалила Дина и начала на него наступать. – Я ее продаю, но я не обращалась в ваше агентство. Я ни в какое агентство не обращалась. И муж мой тоже не обращался. Откуда у вас информация? Вы – мошенники? Аферисты?

Дина разгорячилась. Говоря, она делала шаг за шагом внутрь офиса, надвигалась на мужчину. Тот испуганно икнул и попятился, пока не уперся задом в стоявший за ним стол.

– Не волнуйтесь так, – пролебезил он, выставив перед собой маленькие руки с пальцами, похожими на сардельки, будто хотел показать, что готов сдаться. – Проходите, присаживайтесь. Я сейчас вам все объясню. – Он выдвинул навстречу Дине стул. – Может, вам чаю налить? Или кофе?

Дина отрицательно помотала головой:

– Ничего не надо. – Потом добавила: – Впрочем, от воды не откажусь. Если можно.

– Конечно, можно, – с энтузиазмом откликнулся он.

Резво, несмотря на свою комплекцию, пробрался сквозь лабиринт столов и стульев к кулеру. Вытянул из прозрачного тубуса, что был прикреплен сбоку от основания бутылки, белый пластиковый стаканчик и подставил его под кран с холодной водой. Дина перевела дух, и пока мужчина не вернулся к столу, еще раз окинула офис взглядом. Судя по количеству столов и стульев сотрудников должно было быть больше, чем один. Интересно, куда все подевались? Или это только видимость больших оборотов фирмы?

– Итак, какая у нас проблема? – отвлек ее от размышлений пухлик-панда, протягивая Дине стаканчик с водой и усаживаясь за стол со своей стороны.

Говорил он задушевно доверительно. Дина отметила это про себя и еще то, что он снова сказал фразу, используя множественное число. То ли это был тонкий психологический трюк, то ли мужчина олицетворял себя не только с агентством, но и с посетителями. Дине это не понравилось.

– У вас у всех будут большие проблемы, если вы не объясните мне толком, как информация о моей квартире угодила на вашу дверь, и не докажете, что мне лично это ничем не грозит, – потребовала она как можно более суровым голосом.

– Вам это можете грозить исключительно одним – продажей вашей квартиры, что собственно вам и нужно, – не растерялся мужчина.

– Но откуда вы взяли информацию? – продолжала допытываться Дина.

– Скорей всего, из газеты, – предположил мужчина. – Или с интернет портала. Вы же наверняка давали объявление?

– Давала.

– А мы – риелторы – за ними следим и их используем. Расширяем, так сказать, свою базу данных. Мы не считаем это преступлением, потому что имеем ту же цель, что и владельцы – продать.

– Позвольте, но я ни в газетах, ни на сайтах не указывала номер дома. Только название переулка. Обозначила, сколько этажей имеет дом и на каком этаже находится моя квартира. В конце дала номер телефона. Всё.

– Значит, мы вам звонили, и вы сказали нам все подробности по телефону.

Дина неприятно удивилась и с сожалением согласилась, что так вполне могло быть. Она вспомнила один звонок, когда звонивший уточнял расположение дома:

– Мы идем от метро по проспекту в сторону универмага и поворачиваем в переулок. Первый дом от угла – это не ваш?

- Нет, – согласилась тогда Дина.
- Ваш дом мы видим, стоящим за ним. Так?
- Да.
- Это дом номер три, согласно карте. Правильно мы поняли?
- Да.
- Ваш подъезд первый или следующий?
- Следующий.
- А у вас на каждом этаже по две квартиры или больше?
- Больше.
- Наверное, четыре, правильно мы думаем?
- Да.
- И значит ваша на седьмом этаже имеет номер... восемьдесят один?
- Восемьдесят два, – автоматически поправила Дина.

И только потом поняла, что сказала лишнее. А почему проболталась? Может, потому, что звонивший употреблял множественное число, и она подумала, что он имеет в виду себя и свою жену. А если речь о супружеской паре, то им можно доверять. Вот она и расслабилась.

- Мы можем вашу квартиру посмотреть? – прозвучало тогда в конце диалога.

Именно с той фразы и начались Динины страхи о том, что к ней кто-то будет приходить, и она перед чужими незнакомыми людьми будет уязвима.

– Это вы мне звонили? – догадалась она, сидя в офисе и глядя на довольного пухлика-панду. – Или все риелторы говорят о себе во множественном числе?

– Про всех не знаю, – улыбнулся мужчина. – Но я так часто делаю – психологический прием, помогает расположить собеседника.

Дина недовольно крякнула:

– Меня вы точно расположили. И облапошили.

– Никто не собирался вас облапа... облапши... облапошивать, – заверил мужчина, споткнувшись на последнем слове и не сразу произнес его правильно. – Если бы появился потенциальный покупатель, то мы бы вам позвонили, и предложили посредничество за определенное вознаграждение. Вы могли бы и не согласиться. Ваше право.

– Потенциальный покупатель мог мне позвонить сам, – резонно заметила Дина.

– Не мог, – возразил мужчина. – Мы скрыли ваш телефон.

– Но он мог прийти ко мне домой по указанному вами адресу.

Мужчина замер с недоуменно разинутым ртом, в его глазах промелькнул испуг. Дина поняла, что он тоже не все просчитал, и теперь она его подловила на промахе.

В какой-то момент их беседы в глубине арочного проема послышались звуки. Явно кто-то еще присутствовал в офисе, там, куда уходил скорей всего коридор, а не ниша. Один раз вроде бы звякнула ложка о чашку или блюдец. Другой – зажурчала вода, словно открыли кран. И наконец, раздались приближающиеся быстрые шаги. В комнате появился еще один молодой человек. Высокий, подтянутый, деловой. Слегка всклокоченный его темный чуб можно было бы принять за небрежную прическу, если бы не было заметно, что очень уж дружно стоят дыбом волосок к волоску. В остальном молодой человек сильно походил на собеседника Дины с той только разницей, что костюм на нем сидел лучше. Та же опрятность, та же продуманность, то же цветочное решение. Схожесть облика двух мужчин говорила о том, что для сотрудников агентства был установлен дресс-код.

– Приносим свои извинения, – сходу обратился к Дине молодой человек, выдав таким образом, что он подслушивал. – Сергей недавно работает в агентстве, – произнес он, кивком головы указав на Динино собеседника. – И еще не со всеми правилами знаком. Он допустил оплошность и сейчас же ее исправит. Сотрет с вашего объявления и номер дома, и номер квартиры. И если вы пожелаете, удалит объявление целиком. Но я бы вам не советовал на этом

настаивать. Уверяю вас, при участии агентства у вас будет больше шансов на более выгодную сделку. Готов лично вам это доказать. – На последних словах он выудил из кармана пиджака визитку и протянул Дине. – Тимур, – коротко представился он. – Опытный риелтор к вашим услугам.

Дина растерялась. Обернулась на предыдущего своего собеседника, которого, как выяснилось звали Сергеем. Тот сидел, набычившись с пылающими щеками и напряженными желваками, стиснув переплетенные пальцы так, что костяшки побелели. По всему было видно, что ему пришлось не по нраву, что его отчитали, как школьника, при посетительнице. И кто? Молокосос. Именно так про себя Дина окрестила Тимура, который явно был моложе Сергея лет на пять, а то и на все десять. И ладно бы Тимур являлся директором. Или хотя бы заместителем, или старшим риелтором, на худой конец. Нет, на его визитке, которую он сунул в руку Дине, было написано просто «риелтор». Даже слово «опытный» не фигурировало. То есть, в профессиональной иерархии он был ровней Сергею, если не брать в расчет годы работы. Но это не давало ему права на прилюдную порку коллеги. Дина мельком подумала, что ей бы тоже не понравилось такое обхождение со стороны рядового сотрудника. В глубине души ей стало Сергея жалко. Ей захотелось его утешить.

– Да, я, пожалуй, разрешу оставить в вашем агентстве мое объявление, – произнесла она, обращаясь к Тимуру, а потом повернулась к Сергею. – Конечно, если вы сотрете номер дома и номер квартиры. И будете держать меня в курсе, если кто-нибудь заинтересуется. Кстати, меня зовут Дина, – добавила она и в этот момент смотрела только на Сергея. Затем обернулась к Тимуру и повторила: – Дина Станиславовна.

В два счета она расставила акценты. Показала, что Сергею она доверяет больше, а Тимуру следует убраться. Конечно, это не осталось незамеченным. По лицу Тимура было件яно, что он раздосадован. Однако, он умел владеть собой и вслух сказал вежливо:

– Как вам будет угодно.

После чего он встал к Дине и Сергею спиной и начал перекладывать с места на место бумаги на другом столе, который, видимо, являлся его рабочим местом. Дина с Сергеем переглянулись заговорщицки. Последний не смог сдержать широкую благодарную улыбку, продолжая пребывать в оцепенении, в которое впал с момента появления Тимура.

– Ну, что ж, – попыталась расшевелить его Дина. – Так, как мы поступим с моим объявлением?

Сергей начал было говорить, но поперхнулся и закашлялся. Видимо, волновался. То ли переживал из-за своей оплошности, то ли неожиданное вмешательство Тимура сильно подавило его моральный дух, то ли Дина вышибла его из колеи своим благорасположением.

– Выпейте воды, – протянула она ему свой стаканчик, к которому так и не притронулась в пылу разбирательств.

Он взял, сделал пару глотков, еще раз кхекнул и заговорил более-менее спокойным голосом.

– Я обещаю, что немедленно все исправлю. Вот смотрите, уже встаю и иду к дверям. – На этой фразе он действительно встал и отправился к входной двери. Затем, оказавшись на улице, а Дина за ним следила из офиса, снял бумажную полосу, на которой была информация о квартире Дины с Антоном, и вернулся за свой стол. – Сейчас я сотру в тексте лишнее, распечатаю и вывешу в обновленном виде.

– Хорошо, – одобрила Дина и позволила себе немного нотации: – Наверное, стоит и другие объявления проверить? Вдруг еще где-то ошибка.

– Да-да, вы правы, – согласился Сергей. – Я обязательно проверю.

Тимур все это время продолжал стоять у своего стола, спиной к ним. По его напряженной позе было件яно, что он следит за беседой. Дина предположила, что как только она уйдет,

он устроит Сергею хорошую выволочку на правах старшего «товарища». Может, Сергей этого и заслуживал, но Дина решила еще немного ему помочь.

– Знаете, я вот подумала, – произнесла она, – если вы официально беретесь за мою квартиру, могу я с вами обсудить детали более конкретно и... – Она скривилась в сторону Тимура и закончила фразу: – Тет-а-тет.

– Да. Конечно, – оживился Сергей. – У нас есть для этого специальная комната – переговорная.

По тому, как дрогнули плечи Тимура, Дина сделала вывод, что он обескуражен. Его ожидание оказалось напрасным. Во всяком случае, еще какое-то время Сергей будет занят с клиенткой. Выволочка откладывается.

– Тимур, ты офис покараулишь? – обратился к нему Сергей.

– Я не пес сторожевой, – огрызнулся тот.

– Всего пять минут, – нарочито вежливо и деликатно попросила Дина.

Дине он отказать не посмел.

– Только до приезда хозяина, – предупредил с каким-то злорадством.

Видимо, если бы хозяин не застал Сергея на месте, то разозлился бы.

– Иван Иваныч не раньше, чем через час должен вернуться, – глянув на часы сказал Сергей.

– Ну-ну, – усмехнулся Тимур.

– Дай знать, пожалуйста, если прибудет раньше, – попросил по-дружески Сергей.

– Ты меня с секретаршей перепутал? – вскинулся Тимур, снова не постеснявшись посторонней посетительницы. – Сам услышишь, когда Иваныч появится.

– Все понял, – миролюбиво согласился Сергей и жестом пресек попытку Дины снова вмешаться. – Пойдемте со мной, – позвал он ее в направлении арочного проема, за которым открылся широкий коридор с рядом потолочных плафонов и несколькими дверьми по обеим сторонам.

На каждой двери была прикреплена табличка. Дина читала мимоходом. Судя по тому, что там было написано, имелись туалет, бухгалтерия, документальный архив, кабинет юриста, кабинет директора и комната переговоров в торце. По пути мелькнуло помещение с распахнутой внутрь дверью. Судя по обстановке внутри Дина догадалась, что это была кухня или буфетная комната. Наверное, именно там прятался Тимур, пока не решил вставить свое слово знатока в их с Сергеем разговор.

– Проходите сюда, пожалуйста, – Сергей открыл перед Диной дверь в переговорную.

Кабинет площадью примерно три на три метра имел один стол посередине и семь или восемь стульев по кругу. Панорамное окно прикрывали такие же светлые вертикальные жалюзи, что и в зале при входе в офис. Стены были выкрашены в такой же серый цвет. Ничего лишнего.

– Спасибо за доверие, – тихо произнес Сергей, после того как плотно прикрыл за собой дверь.

– Не стоит благодарности, – отозвалась Дина. – Терпеть не могу хамов и зазнаек, выпячивающих себя за счет других.

– Тимур – хороший специалист, – вдруг начал выгораживать коллегу Сергей. – Опытный. Хваткий. У него есть, чему поучиться.

– Это не дает ему права унижать других, – прервала поток самобичевания Дина. – И вообще, я не о вашем коллеге хотела поговорить.

– Да-да, о квартире, – понимающе закивал головой Сергей.

Они присели за разные стороны стола. Дина немного помолчала, раздумывая, а стоит ли посвящать в личные проблемы постороннего человека. Сергей дипломатично и терпеливо ждал. Дине так и хотелось назвать его Мишей, если уж нельзя пухликом-пандой. Имя Сергей

категорически не вязалось с его неуклюжей полнотой, розовыми щеками и смущенным видом. То ли вид его расположил Дину, то ли обстоятельства знакомства, но она почувствовала, что готова довериться. И она рассказала о том, что ей надо не только продать одну квартиру, описав ее подробнее и пригласив Сергея на личный осмотр, но и купить другую. Желательно быстро, и при этом не прогадать.

– Можете на меня положиться, – заверил ее Сергей и сразу же дал совет, как лучше продемонстрировать свою квартиру потенциальным покупателям, чтобы у них сложилось хорошее впечатление на все заявленные деньги, и предложил несколько вариантов однокомнатных квартир на выбор.

Дина вышла из агентства с подробным планом действий на ближайшие несколько дней, что не гарантировало ей избавления от депрессии, но давало надежду, что не останется времени на печальные раздумья и жалость к себе, а это само по себе уже было неплохо.

Следующие несколько недель пролетели, как один день. Некогда было присесть и передохнуть. Дина только тем и занималась, что принимала потенциальных покупателей, или сама выступала в том же качестве, осматривая чужие квартиры. Бывали дни, когда она успевала и то, и другое. Компанию ей составлял Сергей. Ох, если бы не его советы, то Дина уже тысячу раз попала впросак. Возникал вопрос, он со всеми клиентами такой внимательный, или только к ней относится с щепетильностью? Вопрос слегка волновал Дину, щекотал ей нервы, но она не торопилась его озвучивать, чтобы не услышать что-нибудь такое, что слышать не хотелось. Она просто пользовалась услугами Сергея, полагая, что имеет на это право, ведь не стала же раздувать скандал из-за его непрофессиональной оплошности в первую их встречу в агентстве и даже защитила его перед, пусть и более опытным, но хамоватым коллегой. А еще ей иногда казалось, что Сергей к ней равнодушен и это тешило ее самолюбие и малость смягчало обиду, доставленную мужем. Хотя всерьез Дина Сергея, как ухажера, не воспринимала. Она считала, что он слишком молод для нее – почти десять лет разницы не в ее пользу, как никак. Правда примеры таких союзов не были редкостью. Взять хотя бы российский бомонд. Вполне уважаемые эстрадные дивы позволяли себе иметь бойфрендов или даже мужей много моложе себя, но Дина всегда удивлялась таким отношениям, подозревая в них скорее расчет, чем чувства. Причем расчет не только со стороны юнца. Возрастная половина имела свои весомые резоны, приобретая статус дамы, желанной во всех отношениях, а значит завидной абсолютно для всех поклонников ее таланта, что подогревало к ней интерес и приносило дополнительную прибыль. Хотя Дина допускала и счастливые исключения в виде искренней любви и привязанности. Ключевое слово – исключения.

Имея такие взгляды, Дина с некоторой осторожностью общалась с Сергеем, опасаясь перейти грань, за которой он может возомнить себя не просто агентом по продаже недвижимости, а личным помощником всей ее жизни, тем более, что был не женат. Она старалась держаться по возможности отстраненно, но принимала обращение на «ты» и допускала дружеский треп.

– Дурак твой Антон, – однажды заявил Сергей.

В этот момент он сидел на кухне у Дины и уплетал за обе щеки фрикадельки из индейки. Перед фрикадельками был грибной суп с чечевицей, овощами и зеленью. Теперь к фрикаделькам Дина подала гарнир из картофеля по-деревенски, накрошила простенький, но полезный салат из капусты и моркови, заправила домашним майонезом, налила клюквенный морс. По соседству, на кухонном столе, что примостился между раковиной и плитой, на плоском блюде высилась горка рогаликов из слоеного теста с дольками яблок и грецкими орехами внутри. Они ждали своей очереди к чаю, поблескивая запеченными боками, припорошенные сверху сахар-

ной пудрой. Сергей украдкой бросал на них вожделенный взгляд. Очень он уважал сладкое и мучное. Фрикадельки с картошкой ему тоже нравились, и грибной суп перед этим он проглотил с великим удовольствием, но обед не посчитал бы законченным, если бы его лишили десерта. Свое мнение он уже сообщил Дине и теперь, утолив голод, позволил себе отступление от темы еды.

– Дурак, – смачно повторил он, заканчивая с горячим и старательно вытирая остатки соуса с тарелки хлебным мякишем.

Мякиш отправил в рот, сомкнул губы и озарился блаженной улыбкой. Эта улыбка совсем не вязалась с произнесенным словом.

– Почему Антон дурак? – заинтересовалась мнением Сергея Дина.

Сама она никогда не считала Антона глупым человеком. Ему не везло в бизнесе, но компьютерщик он был не плохой.

– Потому что сбежал от такой женщины, – промычал еле внятно Сергей, наслаждаясь вкусом хлеба, пропитанного соусом.

– От какой такой? – коварно прищурилась Дина.

Она понимала, что ввязывается в опасную игру, но надеялась устоять на твердой позиции добродетели.

– От такой хозяйственной, – ответил Сергей и повел рукой в сторону рогаликов. – Не дом, а красота. Чистота и вкуснота.

На последних словах он воровато ухватил один из крайних рогаликов и потянул его на себя. Горка дрогнула и посыпалась, Дина не успела всплеснуть руками. Какая-то часть пирожных задержалась на столе, кое-что улетело на пол и раскрошилось по керамической плитке.

– Ой... – виновато вжал голову в плечи Сергей.

Дине показалось, что он не только голову вжал, но и ноги испуганно подтянул, и локти подобрал, и весь сгруппировался и съежился в комочек, словно нашкодивший щенок, готовящийся принять заслуженное наказание в виде шлепка по филейной части. Дине вмиг стало смешно.

– Нет, ну почему тебя назвали Сергеем? – прыснула она.

– Что? – обалдело уставился на нее тот.

Видимо, совсем не той реакции ожидал.

– Говорю, что Сергей – не подходящее для тебя имечко, – ласково объяснила Дина. – Тебя должны были назвать Михаилом. Михаилом Потаповичем. Ты же неуклюжий точно медведь из детской сказки.

– Ну, да, – согласился Сергей. – Есть у меня такая черта – неуклюжесть. Мне и мама всегда пеняет на это. И бабушка. А назвали Сергеем в честь деда. У меня, знаешь, два деда.

– У меня тоже два, – вставила Дина. – Ты не поверишь, но у всех людей на Земле по два деда.

– Не скажи, – возразил Сергей. – А если ребенок в детдоме рос?

– Тогда он просто не знает своих дедушек. Но они у него все равно есть. Не могут не быть. Он же родился. От мамы и от папы. А те в свою очередь тоже имели родителей. Как ни крути.

Она рассуждала и попутно подметала веником пол.

– А если ребенок из пробирки?

– В смысле? – опешила Дина, замерев с веником и совком в руках.

Про детей из пробирки она только в фантастических романах читала или в фантастических фильмах смотрела. И насколько она знала, в пробирку изначально закладывали женскую яйцеклетку, оплодотворенную мужским семенем. Так что родители все-таки имелись, а вместе с ними и бабушки, и дедушки. Это она Сергею и объяснила, продолжив незапланированную уборку.

– Хорошо, – согласился он. – А как тогда быть с Христом?

– Который Иисус? – уточнила Дина, снова оторвавшись от подметания пола.

Сергей согласно кивнул.

– А что с ним не так?

– Он рожден от бога. Правильно?

– Не знаю, правильно это или нет, но в священных текстах так написано.

– А бог он ведь сам по себе? – не то рассудил, не то спросил Сергей. – Без отца, без матери. Значит, у Иисуса был только один дедушка по линии матери Марии.

Дина не нашла, что возразить, поскольку в теологических вопросах была не сильна. В существование бога не верила, но и его отсутствие доказать не могла. Если ее спрашивали про отношение к религии, то отвечала, что еще не определилась. Но не в том плане, что не знает, какую конфессию предпочесть, скорее не владеет аргументами для научного обоснования отсутствия веры, что интуитивно было ей ближе. Про Иисуса Христа Дина не исключала, что на самом деле существовал такой человек. Но то, что он был рожден от духа святого перечило всем Дининым познаниям в анатомии и физиологии человека. А вдруг это правда? И что тогда – Христос не имел второго дедушки?..

Дина обоих своих дедушек любила и вспоминала с благодарностью. Они играли с ней маленькой и баловали ее в то время, как бабушки всегда были чем-то заняты. Они все время что-то готовили. Если не готовили, то убирали. Если не убирали, то возились на огороде. Если не возились на огороде, то ходили на базар или стояли в очереди в сельмаг. Жили бабушки по соседству в ничем непримечательной станице Волгоградской области, среди кукурузных полей и арбузной бахчи. Их хаты разделяло четыре метра цветника, по два метра с каждой стороны, и палисадник посерединке. Одну звали Марусей Микуловной, другую Анфисой Захаровной. Друг к другу они обращались по именам без отчеств. Да какие же могли быть отчества у ближайших врагинь, каковыми они себя считали. Каждая стремилась хоть чем-то превзойти другую. Хата должна была быть белее и богаче, огород полнее, цветник пестрее, забор выше, засов тяжелее, детей больше. Дедушки в этой гонке достижений не участвовали. Относительно не участвовали. К работам их, конечно, регулярно привлекали и к деланию детей склоняли. Но в отрыве от повинностей они прекрасно между собой ладили, посиживая на уличной лавке, покуривая папироски и потягивая домашнее вино. Дети их чурались, а вот все внуки души в них не чаяли. И Дина не была исключением. До той поры, пока ее родители не собрались покорять Москву. А по сути – просто сбежали из родового гнездилища, где им не было покоя. Обе бабушки пеняли им на предательство. Как же, посмели связать свою жизнь с представителем вражьего клана. Прямо Монтекки и Капулетти станичного разлива.

Поскольку родители Дины были поздними детьми в обоих семействах, то бабушки с дедушками еще при малости Дины отличались солидным возрастом и надорванным здоровьем. Пока родители Дины обживались в Москве, бабушки с дедушками уже заняли свои места на кладбище. В домах остались хозяйничать многочисленные потомки, с которыми родители Дины практически не поддерживали отношений. Одни боялись претензий на часть наследства. Другие побаивались массового наплыва подрастающих племянников, если бы те замахнулись на московские университеты. Так и потерялась связь, о чем Дина впоследствии не единожды пожалела. Вот и теперь, вспомнив о дедушках, вздохнула печально.

– Ты чего? – настороженно посмотрел на нее Сергей. – Из-за рогаликов расстроилась? – И затараторил испуганно: – Я же не специально. Ну, хочешь, давай представим, что не полумались, а я их съел. И больше мне ничего не полагается. Ты только не плачь. Я боюсь, когда женщины плачут. Теряюсь.

– Не теряйся, – невольно улыбнулась Дина. – А еще лучше, не заставляй плакать специально. Рогалики – это ерунда.

– Ага, – понимающе кивнул Сергей и посмотрел как-то очень серьезно, сосредоточено, будто прикидывал, силясь угадать, чего от него хотят.

– Итак, что у нас еще сегодня по плану? – резко сменила тему Дина, избегая щекотливой ситуации. – Мою квартиру мы уже сегодня показывали.

– Теперь пойдем другие смотреть, – радостно перехватил инициативу Сергей, будто и ему тоже было неловко продолжать предыдущий разговор. – Только давай сначала чаю попьем.

Все-таки не давали ему покоя оставшиеся на блюде целые рогалики. Дина не возражала, в конце концов, не для себя же одной пекла. Уже включила чайник и сыпала во френч-пресс чайные листья. Она не признавала чайные пакетики, также как растворимый кофе не считала, собственно, кофе. На столе появились чашки с блюдцами, сахарница с кусочками сахара белого и коричневого. Сама Дина коричневый сахар не очень понимала, но везде о нем писали и говорили, что он полезнее, поэтому она его покупала и пыталась привить себе здоровый вкус. Иногда тянуло на прежний белый кусочек. А вообще-то чай с печеньем можно было пить совсем без сахара. Можно, но не всегда получалось. Иногда прежние привычки брали верх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.